

Глава 3. Государевы смотры и наряды на службу в конце XVII в.

Параграф	Стр.
3.1. Традиция служебных смотров в Московском государстве	1
3.2. «Большие смотры» и разборы царедворцев в 1663–1681 гг.	8
3.3. Приезды служилых людей во время Троицкого похода 1682 г	16
3.4. Возвращение царского двора и смотры 1682/1683 г.	23
3.5. Смотры царедворцев и «ниских чинов» царевной Софьей Алексеевной	30
3.6. Наряды на службу царедворцев в Крымские походы	33
3.7. Второй Троицкий поход 1689 г.	43
3.8. Первые государевы смотры Петра I	49

3.1. Традиция служебных смотров в Московском государстве***Истоки смотренных акций***

Служебным смотрам ратных и чиновных людей посвящены не самые зачитанные страницы из истории Московского государства. Хрестоматийное выражение о готовности ратников-помещиков быть на службе «конными, людными и оружными», красноречиво передает образ поместного войска со времен Ивана III, устоявшийся в историографии. Спустя два века, эта формула по-прежнему точно определяла уклад жизни царедворцев и других ратных людей «старых служб». Для вызова к служебному смотру и в XVII в. и при Петре I разрядные дьяки зачитывали с Постельного крыльца в Кремле государевы указы и именные списки царедворцев и других ратных людей по чинам. Для сбора «к полкам» или в военный поход, минуя смотры, составлялись «нарядные списки» (наряд) чиновным и ратным людям, которым повелевалось «быть в готовности». Призыв «быть со всею службою» касался не только сбора к военной кампании, но и к придворным и посольским церемониям.

Служебные смотры изучались в историографии как примеры организации государственной службы. Военный историк П. О. Бобровский обратил внимание на «сложную процедуру смотров» в Разрядном приказе как одно из звеньев в цепи организации войска с эпохи Ивана Грозного.¹ Разрядные смотренные комиссии, создаваемые правительством, уже в XVI столетии пользовались отлаженным механизмом созыва ратных людей, контроля их приезда, разбора и наряда на службу, обработки результатов и выявления нетчиков. Основные документы этих комиссий, известные под обобщающим названием «смотренных списков», «приездов», «нарядов», сложились до Смуты – первой гражданской войны в России.

Один из смотренных списков 1704 г. был озаглавлен «На смотре державнейшего государя недорослям быть на третьем на десять смотре февраля в 23-м числе».² В документе «смотром» назван тринадцатый день разбора детей царедворцев в течение одной из смотренных акций правительства 1704 г. для записи на «полковую службу». Один день смотра и собственно «серия» смотров современниками назывались одинаково «государевым

¹ Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Вып. 2. С. 317–319.

² Документ атрибутирован по сказкам участников смотренной акции. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 1648. Л. 1–14 об.

смотром» (или сокращенно «смотром»). Полисемичность слова требует разграничить конкретное действие смотра («смотрение», «разбор») и все мероприятие, – от призыва «к смотру» до его завершения, обозначив термином «смотренная акция».

Смотренные акции Московского государства многообразны, а в годы военных кампаний следовали особенно интенсивно, охватывая множество служилых «чинов». Зачастую срочность подготовки похода заставляла правительство объявлять наряд без проведения служебного смотра. В таком случае проводился канцелярский «разбор», завершавшийся составлением «нарядного списка». Существовал таким образом очный «разбор» (синоним «смотра») и канцелярский «разбор». Общее действие очного и канцелярского «разбора»³ состояло в распределении служилых людей по служебным категориям – «разрядам» (в «полковую службу», в отставку, а игнорировавших смотр – в нетчики). Оставляя за рамками исследования полковые смотры, локальные поездные разборы служилых чинов, обращусь к смотренным акциям царедворцев и ратных людей как к способу рекрутирования на государеву службу.

Каждый московский ратник – стольник или рейтар, драгун или солдат, воевода или дворовый человек, подьячий – так или иначе в своей жизни имел отношение к бесконечной череде смотров и разборов. Об этом свидетельствуют смотренные документы, сказки, полковые росписи и записные книги московских приказов с официальными версиями описания событий. Приказные справочные выписки по заручным челобитным вмещали краткие перечни походов и смотров. По имени челобитчика в приказных архивах с конца XVII в. удостоверялось количество его «служб», «естей» (явок) или «нетей» (пропусков) походов и смотров.

Советский историк эпохи Смуты Р. Г. Скрынников считал, что порядок дворянских смотров, определявших оклады «новикам» и изымавшим земли «нетчиков», сложился к середине XVI в. Не вдаваясь в дискуссионный вопрос о первых смотрах военно-поместного войска, отмечу, что в том же столетии смотры и разборы служилых людей проводились как в крупных городах, так и в столице. Через смотры некогда комплектовалось и опричное войско Ивана Грозного. В 1571 г., после «перебора» дворян Бежецкой и Обонежской пятин, около 500 новгородцев пополнили ряды опричников.⁴ «Смотренное» комплектование полков вели представители думных или московских чинов, дьяков и подьячих. Личное участие царя в смотрах немедленно сообщало для современников их особый статус и именование «государевых». В историографии известен и неологизм «царские смотры» – полный синоним «государевых смотров».

Аутентичные слова «смотр», «смотрение», «разбор», «перебор», «пересмотр», употреблялись и по отношению к отдельным персонам, к «чинам», к полкам, которые участвовали в смотренных акциях. Человек, собиравшийся на смотр, переживал несколько символических и канцелярских действий: заслушивал указ и списки о месте и сроке прибытия, готовился в путь, проезжал десятки верст, устраивался в столице на постой или в свой дом, записывал свой приезд, отмечался в росписи, составлял сказку, проходил очно или заочно разбор, прибывал на смотрение «своей братии» царем или его назначенцами, получал назначение на службу или отпуск.

Практически непрерывные войны Московского государства XVII в. генерировали масштабные смотры-разборы в столице, а в уездных городах – наборы служилых людей в полки и высылки к указным срокам. Примерный порядок «смотрения» при последующем разборе на служебные категории можно проследить по заручной челобитной: «а велено боярину жильцов розбирать, и я пришед перед Ответные сени и кликнули именишко мое, и я пошел перед боярином».⁵ Служилый человек мог предстать перед «разборщиком» несколько раз – при приезде, при написании и объявлении своей сказки, или дважды перед

³ Ниже слова «смотр» и «разбор», «чины» употребляются без кавычек, кроме случаев, подчеркивающих цитирование источников.

⁴ Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 47, 96–98, 116–117.

⁵ Павлов А. П. Ценный источник по истории русского дворянства XVII в. (материалы жилецкого разбора 1643 г.) // Российское государство в XVI–XVII вв. Сборник статей, посвященных 75-летию Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 308.

разными разборщиками. Четкой последовательности действий и единых неписанных правил смотров не существовало. Традиция диктовала отдельные процедуры – как например, объявление указа или запись приезда, канцелярское оформление смотра. Канцелярский разбор после «смотрения» мог продолжаться неделями и месяцами для уточнения списков участников и нетчиков; росписи годных и негодных, отставных, недорослей и прочих категорий по их отношению к службе. К «смотру» могли призываться всего несколько человек или сотни «сотен» различных чинов, полков, «генеральств» или значительная часть войска в различном сочетании элементов. «Смотром» современники называли и необъявленную инспекцию полка, и осмотр раненых – которые, с исследовательской точки зрения, видимо, следует считать частными случаями смотренных акций.

Первейшие задачи смотров-разборов русского поместно-служилого войска и чиновных людей сводились к комплектованию и ревизии личного состава ратников или «чинов» по полкам или сотням, служебным категориям, к росписи вооружения, боевых людей и окладов. Эти же смотренные акции современники называли «розбором», «перебором», «пересмотром». Внутренние полковые смотры скомплектованного полка – более частное и регулярное событие, которое, по отзывам современников, издавна происходило еженедельно⁶. Состояние наличных сил и «чинов» выяснялось периодически, независимо от хода и успехов военной компании.

Итак, слова «смотрение», «смотр», «разбор» синонимичны и полисемичны. Основа всякой военно-чиновной смотренной акции – действие «смотрения» людей самим монархом или его назначенцами: воеводой, окладчиками, чиновными людьми, приказными служащими. В хрониках приказов, для обозначения многодневной смотренной акции в целом, или только для описания этапа «смотрения», использовалось слово «смотр». Иногда в приказных хрониках сообщалось только одно действие – «государь изволил смотреть» или его агенты «пересмотрели» ратных людей, чины, полк. Не каждый смотр ратных и чиновных людей завершался «разбором» после «смотрения» и росписью по полкам, чинам, окладам.

Смотренные акции после Смуты

После Смуты, в ожидании реванша с Речью Посполитой, крупные разборы по уездам городских дворян и детей боярских и жильцов созывались неоднократно. В 1621/22 г. «разбирали» поместную конницу. В 1630/31 г. разбирали служилых людей в городах, благодаря чему, был составлен общий «Сметный список» ратникам Московского государства.⁷ Получив известия о болезни польского короля, царь указал 26 января 1632 г. боярам кн. Д. М. Черкасскому, кн. Б. И. Лыкову и разрядному дьяку М. Данилову, «розбирать столников, и стряпчих и дворян московских и жильцов для службы». С марта по июнь каждый чиновный ратник сдал сказку о своих поместьях и боевой готовности к походу.⁸ Во время Смоленской войны в августе 1632 г. состоялся «полковой» смотр прибывших московских чинов, записавших свои приезды. После «пересмотра всех налицо», писцы составили смотренный список для пересылки в Разрядный приказ. Исходная документация для смотра городских дворян также была подготовлена: «А дворян и детей боярских смотреть по розборным списком, каков кто на государеву службу приедет, конен, и люден, и оружен».⁹ В ноябре 1633 г. окольный кн. А. М. Львов и дьяк М. Данилов «смотрели и разбирали» патриарших стольников.¹⁰ Разборы касались любых служилых и неслужилых чиновных «корпораций». Для нечиновных людей (например, монастырских слуг), разбор мог

⁶ По отзыву Дж. Флетчера в 8 полках под командой «генерал-майоров» в конце XVI в. смотры и учения происходили два раза в неделю. *Флетчер Дж.* С. 333.

⁷ *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 135–136, 203–204. В «Сметном списке 7140 года» и приказных документах 1632 г. примерно по 80 уездам было расписано: 14 бояр, 7 окольных, 1 думный дворянин, 2 думных дьяка, 3 из «высших дворцовых чинов», 286 царских стольников, 532 патриарших стольника, 100 стряпчих, 947 дворян московских, 777 жильцов, 24714 городских дворян и детей боярских.

⁸ Некоторые из жилецких сказок подавались от двух человек: *Горбатов Е. Н.* Жилецкие сказки 1632 г. // *Российская генеалогия.* С. 53–179.

⁹ *Козляков В. Н.* Михаил Федорович. М., 2004. С. 207.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 844. Л. 164–217; Оп. 5. Д. 151.

понадобиться и для комплектования полка, и для выяснения происхождения их отцов, чтобы потомков чиновных людей записать «в чин», не обязательно соответствующий чину отца.

Смотры-разборы практиковались также для регулирования численности чина в «полковой службе», то есть потенциально «годных» к службе, определения людей отставных от «полковой службы». Внутри чинов московского списка в 1630-е гг. значительно вырос список жильцов за счет интенсивных пожалований в чин. С помощью разбора в 1643 г. правительство сократило их численность почти вдвое.¹¹ Н. Ф. Демидова справедливо полагала, что существенной частью «разборов» служилых людей в уездах практически всех городов Европейской России явились переводы из одной служилой категории в другую.¹² Такие ревизии также готовили новиков к принятию службы, физически годных служилых людей – к назначениям «куда государь укажет»; рассчитывались льготы недорослям, прибавка ратникам поместного оклада – обеспечивая их лично и наследников, сохраняя честь рода фактом участия в разборе. Разбор мог понадобиться и для чинов неслужилых. В августе 1675 г. думный разрядный дьяк Г. С. Дохтуров разбирал у здания приказов в Кремле полторы сотни подьячих Поместного приказа: «И велено им сидеть в иных приказах, где кто в котором приказе похочет, и памяти об них послал во все приказы, что они отставлены по указу великаго государя не за воровство, а за то, что их в Поместном приказе было много».¹³

От полковых смотров и разборов служилых людей воеводами и начальными людьми, отличается организация государевых смотров царедворцев. Иногда по текстам указов удастся проследить и вербальную коммуникацию царя и его служилых подданных. В апреле 1655 г. на разборе своего государева полка в Смоленске царь Алексей Михайлович лично смотрел «на своем государеве дворе... списки пешаго смотру». Годом ранее, например, царь вносил пометки в смотренные списки.¹⁴ Летом 1653 г., на Девичьем поле, царь, «отсмотря свой государев двор, столников, и стряпчих, и дворян и жилцов» указал думному дьяку Семену Заборовскому зачитать от царского имени речь («сказку»):

«Стольники, стряпчие, и дворяне Московские и жилцы! Писано убо есть, яко всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше от Отца. Сего благословением, и едиnorodнаго его Сына в святого и животворящаго Духа изволением, и всенадежные заступницы нашей, пресвятые, пречистые и преблагословенные владычицы наша Богородицы и приснодевы Марии и всех святых молитвами, прииде в мысль нашего царскаго величества, во еже осмотрити воинство ваше, им же православная христианская вера сохраняется в мире, и в тишине и во благоденствии, а наше царское величество от супротивных врагов наших ограждается, и ваша в службе храбрость и мужество объявляется, в христианское множество от всенаходящих бед спасается. И видеши всеурядное тщание, благодаря Бога, по прежнему радуемся, и ваше тщание к службе и службу вашу хвалим. Егда же благоволит Бог, по его святому смотрению, супротивные воевати, и вам бы с таким же тщанием, яко же и ныне видим вас, с радостным усердием готовым быти, да не мимо идет в нас Христово веление, яко же во Евангелии глаголет: больше сея любви несть, да кто душу свою положит за други своя, и аще кто, воинствуя за святую, соборную и апостолскую церковь и за православную веру противу своего достояния, от нашего царскаго величества великие милости сподобится; а яже таковых благ, яко и первии победоносцы за православие пострадавшие, и небеснаго царствия и вечных благ сподобятся».¹⁵

В этой речи сочинитель отметил «мысль царского величества во еже осмотрити воинство ваше». Размышления о воинстве по библейским мотивам, похвала воинам «радостным усердием готовым быти» передают мировоззрение царя Алексея Михайловича, известное по его письмам. Согласно христианским догматам в риторике, присущей царю, через восхваления ставятся в один ряд «победоносцы», кто «душу свою положит за други своя», за

¹¹ В жильцком списке 1631/32 г. числилось 750 человек. В разборной десятне 1643 г. зафиксировано 1206 жильцов, в том числе 137 нетчиков. В боярском списке на сентябрь 1642 г. – 1296 жильцов. После разбора 1643 г. вновь – около 750 жильцов (по боярскому списку 1643/44 г). Павлов А. П. Указ. Соч. С. 308–311.

¹² Демидова Н. Ф. Федор Алексеевич // Первые Романовы на российском престоле. М., 2011. С. 357–358.

¹³ ДР. Т. 3. Стб. 1614–1615.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 245. Л. 326 об.; Ф. 27. Д. 84. Ч. 1–3.

¹⁵ ДР. Т. 3. Стб. 356.

церковь и за веру; и рядовые участники смотра, показавшие свое «тщание к службе» на смотре. Речи от имени царя, обращенные к участникам смотра, судя по всему, нередкое явление.¹⁶ Подобными вербальными и символическими приемами, образ государевых смотров выходил за типичные задачи полковых и уездных смотров-разборов. Совмещая элементы разбора и ревизии, государевы смотры – как церемонии – приобретали дополнительные социальные и политические смыслы.

До первых Романовых постепенно закрепились специфическая канцелярская «смотренная» лексика. Семантика некоторых «привычных» нам слов, описывающих смотры, оказывается шире, чем принято считать. Для всего XVII столетия характерны выражения, встречающиеся в хрониках записных книг царя Алексея Михайловича: «...а после божественные литургии от церкви пошел в село Покровское. А после кушанья великий государь *изволил смотреть* из хором *воевод с службы*, а шли через дворец в Передние ворота, а з дворца, что к Язуе ворота».¹⁷ Отмеченные «воеводы с службы» – это не возвратившиеся из «похода» воеводы, не ошибка хрониста, как полагали историки.¹⁸ Быть «с службы» – в контексте сотенной организации войска, – обозначало ратника-помещика, собранного с собственными людьми «с боем», с вооружением и с лошадьми.¹⁹

Смотры царем ратных и чиновных людей, во время разборов, придворных или перед посольскими церемониями, не всегда именовались современниками эпитетом «государевы». В документации встречаются именованья «смотрение», указ «быть к смотру», «большой смотр», часто «государь изволил смотреть». В XVII в. московские государи «изволили смотреть» полки – государев, солдатские, дворцовый-выборный стрелецкие; чины – московские, городовые, ратные люди вне полкового строя, приказные подьячие, дворовые люди, недоросли, городовые воеводы, полковые головы. Название какой-либо акции «государевым смотром», данное современниками, не зависело от «чинов», числа его участников, и от места «смотрения». Царь Алексей Михайлович устраивал смотры под Смоленском, в подмосковных селах, «смотрел» полки с крыльца своего дворца.

В исследовательском понимании все события, в которых обнаруживается объявление устного или письменного указа о смотре и личное «смотрением» царем ратных людей, называются «государевым смотром». Основание для этой одноименной дефиниции содержится в указах, разрядных столбцах и записных книгах приказов, в которых название «государев смотр» к середине XVII в. становится устоявшимся термином. Московские смотры, московские приказы, писанное право и прочие институции, не поддаются формальной научной систематизации, претендующей на точность.²⁰ Тем не менее, речь идет о схожих смотренных акциях, которые в различных ситуациях – в указах, в смотренных книгах, в сказках, – современники именовали и «государевым смотром», и целом рядом синонимов. На столичных и государевых смотрах участвовали не только царские спальники (комнатные стольники) и люди московских чинов, но и стрельцы, рейтары, выборные дворяне.²¹ Смотри без личного участия государя не исключали его именованье «государевым» самими участниками.

В то же время московские служебные смотры, встроенные в повседневный придворный быт, не похожи на идеально скроенные парады и мунштрования служилых людей. В официальную хронику просочились отпечатки неурядиц и нерадения службы. Один из

¹⁶ Так, 23 февраля 1660г. от имени царя дьяк зачитал две речи речь сотенным головам и сотенным людям московских чинов и стрелецким полковникам и головам. См.: ДЗПТД. С. 59–60.

¹⁷ Там же. С. 86.

¹⁸ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656 – 1671 гг. М., 2006. С. 471.

¹⁹ В описанном выше смотре от 15 мая 1660 г. следовало перечисление смотрения «служб»: «стольник Федор Бутурлин, перед ним 4 лошади в конских нарядах простых, людей ево 15 ч.; стольник князь Семен Андреев сын Хованской, а перед ним 3 лошади простых в конских же нарядах простых, знамя, трубачи, литавры, людей ево 8 ч.; полковник Григорей Торбеев». См.: ДЗПТД. С. 86.

²⁰ Например, Бобровский косвенно отмечал разницу смотров по месту проведения войсковых (полковых), местных и по задачам – для проверки списков и для проверки личного состава полков. Бобровский П. О. Указ. соч. С. 318–320, 328–329.

²¹ Так же «государевым смотром» именовался разбор 47 губных старост в Разбойном приказе в 1660 г.

примеров, не претендующих на типичность, произошел 29 января 1675 г. На царском смотре чиновных ратников «начальный человек» Иван Чельцов, бывший головой у дворовых боярских людей боярина и оружейничего Б. М. Хитрово, «напившись пьян на смотре едучи упал». За такую оплошность царь указал его «послать в тюрьму».²² Еще большей оплошкой, «дуростию и самовольством», царь считал игнорирование смотра, и грозил «великой опалой».²³

Акции «смотрения» ратных и чиновных людей хорошо документировались. Служащие приказов Стрелецкого, Рейтарского, Большого Дворца, Разрядного и Тайного,²⁴ составляли росписи участников, смотренные списки с естями и нетами, повестки для вызова, краткое или детальное описание смотра в записных книгах московских приказов. Как упоминалось выше (см. гл. 1) эти документы существовали в большем объеме, чем сохранились до наших дней.

В середине XVII в. царь с помощью разрядных дьяков, лично разбирал «службы» своих спальников. Указом от имени царя дьяки обращались по формуле, которая повторялась до 1710-х годов: «Стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, великий государь указал Вам сказать». В зависимости от текущих задач, к перечислению добавлялись городовые дворяне, чины ратных людей.

Смотры людей московских чинов поручались боярским комиссиям, в которые входил думные и разрядные дьяки. В октябре 1674 г. стольников по царскому указу смотрел боярин кн. И. А. Воротынский с думными дьяками по Разряду Г. С. Дохтуровым и по Стрелецкому приказу Л. Ивановым, и разрядным дьяком В. Григорьевым. Стольникам объявлялась царская похвала, затем «отпуск» в их деревни.

Служилые люди, прибывшие на государево «смотрение», неизбежно становились частью светской церемонии или церковного «действия» с явными или неочевидными атрибутами монаршего участия. Солдат или стрелец, шествуя со своими «полчанами», к царскому дворцу в Кремле или к месту царского «смотрения», лично видел государя: «а после стола великий государь смотрел с переходов голов московских стрельцов Бориса Бухвостова с приказом, шол он через Кремль город в Николские да в Спаские ворота».²⁵ За пределами Кремля обустроивалось пространство смотренной церемонии: сооружалось «смотренное место», выставлялись иконы, сооружался рундук для царского трона.

Для подготовки посольских церемоний официально в московских приказах приискивался протокольный «образец» прежде бывшей церемонии. Проверка «наличных» людей перед крупной посольской встречей не обходилась без смотров. «Выезд» иностранных дипломатов, подъезжавших по улицам Москвы от ворот Земляного города до посольского подворья Китай-города, сопровождали царские чиновные люди, выстроенные вдоль всего шествия «великих послов». Чех Бернгард Таннер описал церемонию «выезда», детали которой объясняют, что встреча посла требовала подготовки:

«На них (спальниках – А.З.) ловко сидели красные полукафтаны, а другие вроде длинного плаща были накинуты на шею, мастерски вышитые, подбитые соболем; они называют их ферязями. На каждой ферязи на груди по обе стороны виднелись розы из крупных жемчужин, серебра и золота. Они носили эти ферязи, отвернув их у правого локтя и забросив за спину. Блиставшие на солнце камнями, золотом и серебром шапки придавали еще больше красы этой веренице и без того нарядных спальников. Сбруя тоже была великолепна: справа и слева от удил до передней седельной луки, в виде полукруга, имели

²² ДР. Т. 3. Стб. 1210.

²³ Там же. Стб. 541.

²⁴ Одним из редакторов так называемых «Дневных записок», а фактически записной книги приказа Тайных дел, был думный дьяк С.И. Заборовский. ДЗПТД. С. 71.

²⁵ В записи от 8 мая 1660 г. так называемые «переходы» – это, вероятно, крытый под сводами ярус «в 31 окошко», ведущий от церкви Чуда архистратига Михаила к архиерейским покоям Чудова монастыря. Также «преходами» названы крытые светлицы, соединявшие Неглиненские (ныне Воскресенские) ворота с царским дворцом. См.: ДЗПТД. С. 70; *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1902. С. 291.

они серебряные, а иные так и золотые, испещренные разными узорами цепи, толщиною в три пальца, заставляя коней привскакивать от их бряцания».²⁶ ##

За несколько дней перед «выездом» комиссия из думными людьми и дьяков устраивала на царском дворце смотр служилых, которым заранее объявлялось, чтобы «с собою б для посольские встречи имали... и наряды конские всякие лучшие, да с собою ж бы для той встречи взяли они к Москве людей своих, которые по их сказкам в полковую службу с ними написаны и наше жалованье на тех людей им дано».²⁷ Служащие Посольского приказа указом царя обращались в Разряд, чтобы во дворце на церемонии приема посла «были на стойке» – в парадном строю. Не случайно Посольский приказ запрашивал вызов хорошо обеспеченных спальников и людей московских чинов, живших в ближайших уездах. Стольников, стряпчим, дворянам московским и жильцам Конотопского полка, 31 октября 1661 г. «к выезду» для встречи шведских послов, государь указал «быть им к смотру декабря 20 дня и о том послать в города грамоты».²⁸ В январе 1675 к выезду готовили 50 сотен царедворцев и 59 сотен дворовых людей, городских дворян и стрельцов. Во время Турецкой войны для встречи иноземных послов не удавалось собрать внушительное число солдат. Если доверять одному из иностранных описаний «для парада царь, по-видимому, располагал немногими» людьми, поэтому для впечатления масштабности применялась проверенная хитрость, которую быстро раскусили польские дипломаты. После проезда иноземцев, солдаты, встретившие посольский кортеж, обгоняли его боковыми соседними улицами и снова являлись перед «послами» впереди пути.²⁹ В октябре 1667 г. во время встречи персидских послов царь вместе с восточными патриархами, судившими опального Никона, наблюдал за посольской процессией с «переходов», ведущих к Неглинским (Воскресенским) воротам.³⁰

Не все мероприятия царских «смотрений» сопоставимы со служебными «государевыми смотрами», несмотря на полное созвучие названий у современников. По их словам осмотр раненых после «боев» или инспекция полков после сражений³¹ – так же «государевы смотры». Соответственно семантика аутентичного термина и исследовательского обозначения служебных смотров («государевых», чиновных разборов в приказе, церемоний) не совпадают. Общего правила или стандарта проведения смотренных акций не существовало, их вариации не поддаются четкой систематизации. Служебные «государевы смотры» могут быть отделены от прочих «смотрений» только искусственно – выделением задачи разбора чинов от имени или при участии государя.

²⁶ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891. С. 45–46.

²⁷ Там же. С. 46–48.

²⁸ АМГ. Т. 3. С. 444.

²⁹ Таннер Б. С. Указ. соч. 47–48.

³⁰ Во время встречи чешских послов в 1673 г.

³¹ В 1670 г. воевода Арзамаса выслал к Москве раненых ратников, которые «ноября в 7 день были ...у великого государя царя у руки и великий государь пожаловал тех раненых, за службы и за раны велел их написать из стряпчих в стольники, а из житья в стряпчие, которые служат по выбору и тех по московскому списку, а служить им с прежними городами». ПСЗ. Т. 1. № 484. С. 852.

3.2. «Большие смотры» и разборы царедворцев в 1663–1681 гг.

Государев смотр 1663/1664 г.

Старшие современники Петра I участвовали в Чигиринских и Крымских походах, а ветераны более ранних «литовских и немецких» кампаний продолжали счет новым походам в XVIII столетии. Практически во всех сказках царедворцы и офицеры, изложившие свои биографии в конце Северной войны, использовали единообразный шаблон о начале службы «его императорскому величеству». Лишь изредка ветераны самых ранних походов в письменной речи от первого лица упоминали о службе «отцу и братьям его императорского величества».

Царь Алексей Михайлович запомнился современникам как устроитель необычайно пышных государевых смотров, чтобы лицезреть готовность своих думных и «ближних людей», «московских чинов» к походам. Однако, за церемониалом «смотрения служб» ратников просматривается конструирование образа могущества Московского царства, создаваемой царем репрезентации величия. Имеются основания полагать, что царь Алексей Михайлович лично внес новации в давнюю механику служебно-чиновных смотров. Один из его биографов подчеркнул, что государственная деятельность царя не исчерпывается «выходами, приемами, смотрами».³² Как бы то ни было, смотренные акций второй половины XVII в. никогда не были предметом специального изучения в их обратной связи и влиянии на политику. В повседневной речи царя, в канцелярском обиходе закрепилось новое выражение «большой смотр». Смотренные акции зачастую ускользали от внимания историков, работающих над дешифровкой образов власти московского царства,³³ или изучались в качестве идеального образца технического плана – для реконструкции войсковой организации ратных людей. Рассматривая отраженные в источниках «большие смотры» в контексте государственной политики, открывается сложное переплетение однотипных образов нескольких публичных церемоний. Возникает закономерный вопрос – был ли разбор ратников и смотрение «их служб» единственной задачей «больших смотров»?

До нашего времени сохранились подробные описания «больших смотров» 1663, 1670, 1681 гг. в столице и в подмосковных царских резиденциях. Анализируя последовательность «действ», справедливо утверждать, что они существенно отличались от смотров полковых в походах или созданных для репетиции церемоний и посольских «выездов». В сказках петровских офицеров и царедворцев в конце Северной войны ссылки на смотры 1680-х гг. встречаются неоднократно, но большинство участников умолчали о своих самых ранних опытах смотренных акций. Некоторые участники этих смотров пережили царя Алексея Михайловича и его старших сыновей, получив отставку в годы петровского единодержавия.

Согласно хронике из записной книги Тайного приказа, «большой смотр» 1663 г. проходил три недели с начала декабря. Ратных людей собирали между подмосковными селами Покровским, Преображенским и Семеновским. По официальной версии, смотр был устроен для «государскаго походу против польскаго Яна Казимера короля». Ранним утром 19 декабря, «за полчаса до света», после литургии и трапезы царь приказал дать сигнал в колокольчик и набат, чтобы ратные люди шли «сотнями из села Краснова и из иных мест» на поле близ села Семеновского. Под звуки сурны, а затем под игру труб, под гроыхающие литавры, набаты и накры, на санном поезде ехал царь Алексей Михайлович. Его сани были расписаны золотом, серебром и красками, а «внутри выбито бархатом двоёморхим золотным красным». Прибыв в хоромы, царь расположился «в креслах у окна», наблюдая за движением ратных людей. Вблизи хором в нарядном платье стояли по 10 сокольников с каждой стороны двора от рундука до ворот, а у ворот 6 рядов стрельцов с ружьем, знаменами и барабанами. Имена служилых сказывал думный дьяк и передавал от сеней за комнатой государя через двух дьяков во двор к сотникам. По цепочке вызов предавался другому сотнику, который

³² Преображенский А. А. Алексей Михайлович // Первые Романовы на российском престоле. М., 2000. С. 243.

³³ Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2004.

«кликал, чье имя ему сказано будет». Вызванный человек на лошади должен был остановиться у царских хором в наряде и с «людьми с боем». Спешившись, он отводил в сторону своих «людей с боем», и шел «перед великого государя на рундук в начале помолитца Богу, потом поклонитца великому государю в пояс, и ему великому государю поднести скаску», которую объявлял дьяк Тайного приказа Дементий Башмаков:

#«А он Дементей стоял перед великим государем у окна, по правую сторону окна на рундуке, и ему в. г. ис той сказки объявлял, что за тем человеком, хто ту скаску подал, лошадей простых, людей з боем, и в поместьях и в вотчинах крестьянских и бобыльских дворов. И великий государь, выслушав тово, за те их службы, ково изволит пожаловать, похвалял».³⁴ ##

Царская похвала звучала из уст дьяка всем ратникам за прибытие к смотру «с службами». «Ратными людьми» в хронике названы «стольники и стряпчие и дворяня московские и жильцы и дворовые люди», которые «службами ехали.. и сказки ему великому государю подносили». Соблюдалась наивысшая почесть для царского подданного – позволение видеть «светлые очи государевы». Сказки в руки самому государю дозволялось подавать только «ближним людям» – то есть думным людям, пожалованным в свое время «из комнаты», комнатным стольникам и высшим дворцовым служителям. Остальные чины подавали свои сказки думному дьяку. В первый день царь до позднего часа ночи «смотрел ближних своих людей да стольников, а пересмотрел 62 человека». В другие дни смотра царь заслушивал до 140 сказок.

С такими темпами личное «смотрение» ратников царем растянулось на три недели с 19 декабря 1663 г. до 12 января.³⁵ Царские переезды с утра из Москвы к трапезе в село Покровское; затем к Семеновскому до «смотренного места»; и, обратно, в ночь «к кушанью»; и вновь до Москвы, повторились за три недели 13 раз.³⁶ Главное событие смотренной акции, запланированное на 17 января, отложили на полмесяца для возведения «государевой хоромины» – зала для приема на смотре.

По традиции, накануне смотра московским служилым и ратным людям объявили указ с Постельного крыльца о новом «смотренном месте» между валами Земляного города и Новодевичьим монастырем.

В аутентичной хронике «смотрения» от 3 февраля 1664 г. открывается редкий ракурс публичной придворной церемонии.³⁷ Военно-полковая повестка в описании государева смотра сопряжена с описанием пространства действия монарха и его коммуникации с служилыми подданными. На смотре такой чести удостоились «ближние люди», лично подававшие сказки царю.

Пока на Девичьем поле возводилось смотренное царское место (и не впервые) с Пушечного двора подвозили пищали и пушки, а под присмотром царя дьяки составляли перечень икон, утвари и тканей для обивки стен «хоромины». Там же выставили недавно подаренный царю роскошный трон, украшенный персидскими мастерами девятью сотнями индийских алмазов.³⁸ Трон «в золотых креслах с камнями, с олмазы и з изумруды», как и все украшение хоромины, должны были поразить любого человека яркими красками и богатым убранством, поистине с византийским размахом.³⁹

Очевидно, что к постановке смотренного действия 34-летний царь Алексей Михайлович питал самый живой интерес. Государь был поглощен устройством «большого смотра»,

³⁴ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. М., 1884. Стб. 1225.

³⁵ Там же. Стб. 1226.

³⁶ За 13 дней смотра в период с 19 декабря по 11 января включительно, по чинам было «пересмотрено»: 62 «ближних людей да стольников», возможно, комнатных стольников; 89 стольников, 269 стряпчих, 260 дворян московских, 424 жильца, 130 дворовых людей от думных чинов, 600 стрельцов и голов стрелецких. Там же. Стб. 1226.

³⁷ В подлиннике на нескольких листах – собственноручные пометки царя. РГАДА. Ф. 27. Оп. 1 Д. 84. Ч. 1–3.

³⁸ Армяно-русские отношения в XVII веке. Ереван, 1953. С. 27–28.

³⁹ Трон, ныне известный как «персидский» и «алмазное кресло», был изготовлен в 1659 г. и подарен армянскими купцами. Ныне в троне насчитывается 886 алмазов. В хронике он назван пришедшим «из Индеи». См. Материалы для истории... Стб. 1235.

который он считал несопоставимым с рутинной повседневных забот. Разумеется, мы не можем, реконструировать ход мыслей монарха, но источники позволяют приблизиться к свидетельствам его личного участия. Вмешательство государя к устройству смотра косвенно отражено пометами в записной книге, которая, по всей вероятности, являлась частью делопроизводства Тайного приказа.

Церемония началась ранним утром во дворцовой части Кремля. После моления царь направился из домовая церкви с «ближними людьми» – под молебное пение чудовского архимандрита, священников, причта соборов, – для провожания икон от Кремля к церкви мученика Антипия. С места передачи и отправления к смотренному месту животворящего Креста царь вернулся «во дворец», а «крестный ход» во главе с окольным И. Ф. Стрешневым продолжил путь по Пречистенке к «смотренному месту» на Девичье поле.

Следующую церемонию провожания царь устроил, не покидая хором. Он наблюдал за несколькими ротами стрельцов и солдат, вышедших через Кремлевские ворота к Белому городу. Полки на Девичьем поле собирал царский тесть И. Д. Милославский. В день смотра, зал для государя и накрачейню – место для музыкантов, «кропили святою водою и ево государев двор и место, где стоять государеву большому знамени». В парадной хоромине, напротив царского трона, возвели рундук, покрытый «большими коврами», к которому вели обитые красным сукном ступени. От стены главного зала построили чуланцы и помосты для думных и ближних людей, навесы для рынд, сурначей и литаврщиков. Прибытие царя ожидалось под пение и молебен, которые он заранее указал объявить стольнику Петру Хитрову.

С военно-служебной точки зрения, «большой смотр» созывали для выбора сотенных голов и знаменщиков в роты стольников, стряпчих и других чинов. Однако, запись по ротам и сотням в полковые списки производилась в Разряде заранее. Царь смотрел на Девичьем поле чиновных и рядовых ратников «с их службы» – то есть их вооружение, личное снаряжение, конную амуницию, приемы учебной стрельбы. На «смотрении» рот и полков были новые служилые люди, не подававшие сказки в декабре-январе, в том числе три сотни патриарших и монастырских слуг.⁴⁰ Значимость события подчеркивалась церковным обрядовым действием, освящением смотренного места, светской церемонией парадного шествия полков от Кремлевского дворца, смотрением «служб» и приемом чиновных ратников в новом парадном царском зале на Девичьем поле.

«Ближние» и дворовые люди, есаулы и сотенные головы, входили в государеву хоромину с многократным крестным знаменем подле икон деисусного чина. Неспешно продвигаясь вдоль стен, они взирали на образ Всемилового Спаса «оклад сканой белой, венцы чеканные золочены с каменьи», на иконы с ликами Богородицы и сорока мучеников. За царским алмазным «персидским» тронном «над главою великого государя» возвышались образы Спаса и Благовещения Богородицы, животворящий Крест, переданный во время царского шествия царевичу Алексею Алексеевичу. Два деисусных ряда были выставлены над двумя проходными дверями хоромины – снаружи и изнутри. Над задней дверью внутри возвышался «образ» Владимирской Богородицы. Составитель описания смотра отметил притчу (девиз), вырезанную «на камени» одного из образов над головой царя: «Достоинство есть яко во истину».⁴¹

Вполне вероятно, что на церемонии крестного хода к смотру был вынесен знаменитый «победный» Константинов Крест, изъятый царем Алексеем Михайловичем у монахов Ватопедского монастыря в 1655 г. Афонские монахи, убедившись в нежелании царя

⁴⁰ Там же. Стб. 1233–1238. В описании смотра «служб» упомянуты: 3 сотни стольников, по 6 сотен стряпчих и дворян московских, 3 сотни «володимерцов», 3 сотни дворовых людей, 14 сотен жильцов, 3 сотни «патриарших» и сотня «троицких» слуг; а также «начальные люди» – в т.ч. 35 человек полка Д. Крафтерта и 842 солдата; 4 роты полковников Афанасия Траурнихта, Корнилиуса Фанбуковена, Якова Бильса, Николая Фанстадена; 8 сотен даточных солдат; несколько рот стрельцов; 2 роты пушкарей; «боярские люди, сотни «конюшенного чина».

⁴¹ Там же. Стб. 1227–1228.

возвращать святыню позже изготовили ее образец.⁴² Достоверного неизвестно, была ли реликвия выносным Крестом, содержала ли монограмму имени Христа.⁴³

В описании смотра трижды внимание акцентируется на выносной Животворящий Крест, подчеркивается прямое обращение к священным реликвиям и царским инсигниям. В трактовке наших современников, сакральная символика транслировала идеи могущества и власти московского самодержца, освящала предстоящий поход ратных людей. Вероятно, не все ближние и чиновные люди приближались к детальному пониманию символов монаршей власти, но совершенно точно оказались в центре исторического «действия».

После военных катастроф под Конотопом, Чудновым и Ляховичами,⁴⁴ смотренная акция зимы 1663/1664 г., выразила попечение царя о ратных людях, его личную поддержку нового «похода» против польского короля. Торжественный царский прием сотенных голов царедворцев, полковников и офицеров, подчеркивал участие монарха в ратном и чиновном устройстве войска. Участники смотра могли лично распознать монарший образец понимания честной и радетельной службы.⁴⁵ «Большой смотр» становился делом государственной важности. Вероятно, именно за удачную организацию «большого смотра» дьяк Д. М. Башмаков был пожалован 17 апреля 1664 г. чином думного дьяка и печатника.

Государев смотр 1670 г.

Внутренние дела государства, в не меньшей степени, чем внешне-политические задачи, требовали ревизии готовности к походам ратных и чиновных людей. Государевы «большие смотры» с участием людей московских чинов состоялись в годы внутри-политических кризисов власти 1670, 1682 гг.; и перед военными компаниями в 1680 и 1684 гг. Осенью 1670 г. «по вестям ис понизовых городов» царь указал провести новый служебный смотр для подготовки своего войска против бунта разинцев. Сохранилась редкая подневная хроника – «Список черной с службы государева смотру 179-го году» (далее – «Список смотру»)⁴⁶

Этот подлинный документ позволяет реконструировать сценарий осеннего «большого смотра» 1670 г., указ о котором был объявлен, по-видимому, в августе, когда было «велено столников, стряпчих и дворян московских и жильцов, которым по росписке за полковою службою довелось быть на Москве, выехать к Москве всех со всею службою и з запасы тотчас безсрочно».⁴⁷ Вместе с указными грамотами Разрядный приказ традиционно отправил городовым воеводам именные росписи людей московских чинов «по чином и по городом порознь» для их срочной высылки в столицу. Списки с указанием поместных владений подготовили заблаговременно.⁴⁸ Большой смотр начался 7 октября. Царь «смотрил» людей московских чинов, кроме жильцов, сидя на Постельном крыльце, наблюдая «с верхнего з деревяного крыльца». Думный дьяк С. С. Титов на Верхнем крыльце звал по списку «тех

⁴² Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 215

⁴³ Известно более позднее упоминание о вынесении Константинова Креста перед московскими полками в конце XVII в., предложены и другие гипотезы. Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 136–137; Щедрина К. А. «Крест императора Константина Великого»: к вопросу иконографии // Ставрографический сборник. Кн. 2. М., С. 55–66.

⁴⁴ Под Конотопом в 1659 г. погибло около 4700 служилых людей – в том числе 249 из московских чинов, 2000 казаков. Под Чудновым в 1660 г. по различным оценкам погибло от 4200 до 5000 ратных людей – в том числе 2000 казаков. Унижением войска было пленение воеводы боярина В. Б. Шереметева. См.: Бабулин И. Б. Битва под Конотопом. 28 июня 1659 года. М.: Цейхгауз, 2009. С. 39, 127–129.

⁴⁵ К «ратным» людям на публичных «действиях» были обращены царские наставления из грамот и указов, чтоб они «великому государю... служить и прямить и всякого добра хотети». «Прямить» – то есть поступать «прямо и честно», что было равносильно обещанию и клятве верности царю. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21 1995. С. 27; ДАИ, Т. VII. С. 2. (1676 г.)

⁴⁶ «Список смотру» выполнен «парадным» почерком с черновыми пометами текста. Редакторская работа над «Списком» выдает тщательную подготовку беловика документа.

⁴⁷ В «Списке смотру» говорится об отсылке грамот воеводам в уезды «в прошлом во 178-м и в нынешнем во 179-м году». РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 246. Л. 2.

⁴⁸ ПСЗ. Т. 1. № 473. С. 839–840. Кроме документов, созданных по этому указу от 15 июня 1670 г., известны «полковые списки», то есть перечни условно годных «на службу» по каждому московскому чину. Они составлялись на основе боярских списков, а по городовым дворянам по «перечневым книгам».

чинов людей ... а на низу по другому списку имена сказывал и ести и неты помечал» разрядный дьяк В. Г. Семенов. Думный разрядный дьяк Титов «с товарищи» смотрели отдельно жильцов. В итоге смотра всех людей московских чинов «полковой службы» расписали на 26 сотен,⁴⁹ назначив сотенных голов.⁵⁰ Сотенные списки составляли три дня,⁵¹ в течение недели назначили сотенных голов и вновь пересмотрели списки, которые раздали сотенным головам, обязав их передать указ своим людям, «чтоб они к его государеву смотру были наготове и выезжали на поле для смотру октября в 24 день». На следующий день, «за час до света», царь «изволил для смотру своих государевых ратных людей итить с Москвы». На поле между селами Семеновским и Преображенским вновь построили «государево место», на котором мастера соорудили «рундук большой, а хоромы обиты были с лица и внутри кожами золотными и коврами». К новой «хоромине» царь прибыл в третьем часу дня «в корете», которую по сторонам сопровождали 40 сокольников и стремянных конюхов. Затем следовала свита из думных и ближних людей «в цветном ратном платье на добрых лошадях». Царя провожали из Семеновского под громкую музыку – «на крачейне играли в сурну и в трубы трубили и в набаты и по накрам и по литаврам били», при его подъезде к государеву месту «в стрелецких приказах сиповщики играли на сипоших, били по барабанам».⁵²

Разбор людей московских чинов «с службою и запасы» уложился в три недели с 7 по 29 октября. Порядок большого смотра 1670 г. повторил светскую часть церемонии 1663/64 г. На смотренное поле выходили «стольники комнатные и чиновные люди и головы сотенные с сотнями», и стрельцы; пушкари везли пушки; окольный Р. М. Стрешнев раздавал знамена сотенным головам. Ратных людей созывали по указу царя, и «по обычаю» подносили сказки. Разрядный думный дьяк «сверху по списку звал ратных людей», которых царь изволил посмотреть:

«и кого по списку позовут и тому окольных велит ко государеву месту ехать, а за ним поедут люди ево с простыми лошадми, а за лошадми люди ж з боем, и приехав великому государю челом ударить»; остановившись вблизи «места», люди «великому государю били челом (поворотясь, кланялись)».⁵³###

Думные дьяки «у смотру» извещали царю о вотчинах и поместьях служилого человека по спискам и по сказкам: «и пришед к государю на рундук поклонясь светлым иконам, челом ударить великому государю по обычаю и подать скаску, что за кем на его государеве службы будет людей з боем и простых лошадей и сколько в поместьях и в вотчинах крестьянских и бобыльских дворов». Царь лично принимал сказки у ближних людей;⁵⁴ а «у стольников и

⁴⁹ На смотре расписаны 3 сотни стольников, по 4 сотни стряпчих и дворян, 15 сотен жильцов. Приведены данные о количестве: в 1-й сотне – 50 стольников, во 2-й – 25 стольников и 15 стряпчих, в 3-й сотне – 22 стольника, 18 стряпчих. В 1 и 2 сотне – стряпчих по 40 чел., в 3-й – 27 стряпчих и 13 дворян, в 4-й – 19 стряпчих и 18 дворян. В четырех сотнях дворян московских – по 40 чел. Жильцов: в четырех сотнях – по 40 чел, в трех – по 36 чел., в 8 сотнях – по 35 чел. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 246. Л. 2 об.–4.

⁵⁰ Состоялось назначение сотенных голов (из стольников): у стольников 1-й роты – кн. М. А. Голицын, у 2-й роты – кн. В. В. Голицын, у 3-й роты – кн. Н. С. Урусов; у стряпчих 1-й роты – кн. А. И. Лобанов-Ростовский, у 2-й роты – М. П. Головин, у 3-й роты – А. П. Головин, у 4-й роты – кн. И. М. Кольцов-Мосальский; у дворян московских 1-й роты – Ф. Л. Плещеев, у 2-й роты – Л. В. Ляпунов, из дворян московских – двое: у 3-й роты – Ф. Я. Вышеславцев, у 4-й роты – Н. В. Юшков. У жильцов 1-й роты головой – стольник В. М. Дмитриев, стряпчие: у 2-й роты – Е. Е. Яковлев, у 3-й – В. И. Сухотин, у 4-й – Г. М. Комынин, у 5-й – П. А. Колубакин, у большинства сотен головами жильцов назначены дворяне московские: у 6-й – М. Д. Павлов, у 7-й – С. А. Зюзин, у 8-й – А. В. Опухтин, у 9-й – И. С. Сухотин, у 10-й – И. В. Селиверстов, у 11-й – Г. И. Комынин, у 12-й – Р. Г. Войников, у 13-й – Р. У. Хрущов, у 14-й – И. А. Игнатьев, у 15-й сотни – жилец И. Р. Селиванов. Там же. Л. 4 об. – 6 об.

⁵¹ Указ о росписи на 26 сотен состоялся 11 октября. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 710. Ч. 2. Л. 1.

⁵² Там же. Л. 7–9.

⁵³ Слова, отмеченные в скобках, в подлиннике зачеркнуты. Там же. Л. 9–10.

⁵⁴ 25 октября «у смотру» царя были «комнатные и чиновные люди», то есть думные люди спальники, две сотни стольников; 26 октября – 3-я сотня стольников, 4 сотни стряпчих и «дворянская 4-я сотня»; 27 октября – три сотни дворян и 4 сотни жильцов; 28 октября – 11 сотен жильцов и 1 рота смоленской шляхты и сотня дьяков; 29 октября – 3 сотни дворовых людей, по одной сотне: патриарших, митрополичьих детей боярских, «бояр и окольных с службы», Троицкого монастыря, «думных дворян службы», а также слуги Чудова и иных монастырей, и людей думных дьяков и московских чинов «службы, которые сами за болезнью на смотре не

иных чинов у ратных людей» по сказкам извещал дьяк Тайного приказа Федор Михайлов. Ратных людей царь «жаловал за службу их,⁵⁵ похвалял многих».

После объявления указа и рассылки грамот о смотре, по уездам видны следующие действия смотренной акции: запись приездов, «первый смотр»⁵⁶ в Разряде для выяснения прибывших и нетчиков (не исключавший «смотрение» главой Разряда), разбор в Разряде на сотни по чинам, шествие чиновных ратников, прием царем служебных сказок после смотрения людей «со службами», объявление царской похвалы, отпуск царедворцев. «Большой смотр» 1670 г. вновь готовился как церемония государственной важности. Черновой текст «Списка смотру» содержит следы заимствования текста документа, не дошедшего до нас, в котором, вероятно, излагался подробный план всей церемонии.⁵⁷ Финальная версия описания была включена в смотренный список.⁵⁸ Царь делился с родными о волнующем его событии в письме 29 октября: «а мы на Спасителеве деле, так же и всего нашего государства на великом смотре...».⁵⁹ Убеждение царя и атрибуты богоспасаемого «похода» против бунтовщиков освящало подготовку карательной кампании. В сценарии этого «большого смотра» заметно обмирщение всего действия – был отставлен крестный ход, церковное пение во время шествия служилых. Разумеется, отдавалось должное молитве у «светлых икон» и в царской «хоромине».

Противостояние с Османской империей вновь подтолкнуло правительство готовить войско к походу весной 1675 г. с «государскою особою». С Постельного крыльца 9 мая дьяк объявил указ о сборе государева полка из чинов московских, городских дворян, полков стрелецких, солдатских и рейтарских. Разряд сумел подготовить росписи ратных людей с прошедшего года, но поход войска к Севску тогда не состоялся.⁶⁰

Государев «большой смотр» выходил за традиционные рамки военно-служебного разбора «чинов». Сложная церемония и сочиненные и сакральные «действия» смотренной акции способствовали созданию образа монарха, «изволяющего смотреть» и ободрять московских ратников, сулящего царскую милость и похвалу за явленные «службы».

Государев смотр 1680/1681 г.: инцидент и новации

Ревизия состава городских дворян и так называемых служилых людей «по прибору» в конце 1670-х гг., рассматривается в историографии в качестве военных преобразований правительства. Если отвлечься от концепции масштабного реформаторства царя Федора Алексеевича и выяснить организацию царского войска в ретроспективе, то становится более очевидным, что новации возникли не без прямого влияния русско-турецкой войны. Сыграл ли в этом реформаторский талант молодого царя – остается вопросом. Политика царя Алексея Михайловича по внедрению элементов «регулярства» продолжалась его старшим наследником не только в сохранении прежних выборных полков, но и в переводе части городских дворян и детей боярских в рейтары, копейщики и солдаты. Эти новшества внедрялись с помощью традиционных разборов чинов.⁶¹ Поместное и «приборное» войско во второй половине 1670-х гг. таким способом было сформировано лишь частично. Перед

были». Сказки подали с перечислением служб: 14 бояр, 9 окольничьих, 9 думных дворян, 7 думных дьяков, 1 казначей, 1 постельничий, 1 стряпчий с ключем, 1 ловчий, 8 комнатных стольников, 22 стольников, 1 дворянин, 1 недоросль (кн. М. Я. Черкасский). Сохранилась перечневая выписка со сказок.

⁵⁵ Здесь в значении – за подготовку к смотру. Там же. Л. 11.

⁵⁶ Аутентичный термин «первый смотр» встречается, в частности, в сказке Ф. Елизарова, поданной на смотре 11 января 1664 г. Акты Московского государства. Т. 3. С. 548.

⁵⁷ См. цитирование к сноске 31. В исправленных фразах «Списка» ряд глаголов первого слоя текста написаны в повелительном наклонении и исправлены после редактирования в прошедшее время.

⁵⁸ РГАДА. Оп. 5. Д. 38.

⁵⁹ Цит. по: *Преображенский А. А.* Указ. соч. М., 2000. С. 241.

⁶⁰ Осенью 1674 г., «по летним вестям» созванные воины, были распущены по домам. ПСЗ. Т. 1 № 602, 604. С. 1004–1007.

⁶¹ В течение этих «разборов» городские дворяне и дети боярские, если имели менее 23 дворов, верстались в рейтарскую и копейную службу с жалованьем 24 рубля в год с вычетом по рублю с каждого крестьянского двора, приборные люди – в службу солдатскую. При наличии более 24 дворов, зачисленным в рейтары жалование не выдавалось. *Яблочков М. Т.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 306–307.

Чигиринским походом, по данным Н. Ф. Демидовой, весной 1677 г. состоялся смотр служилых людей московских чинов, которые составили сказки о своем поместном и денежном жаловании.⁶² По указу 1678 г. аналогичные сказки должны были составить и городовые дворяне, и дети боярские. В годы русско-турецкой войны жильцов, постоянно проживавших не в столице, а в уездах, переводили в рейтары по их челобитьям.

Очередная смотренная акция людей московских чинов готовилась с ноября 1680 г. уже новым руководством Разряда во главе с боярином кн. М. Ю. Долгоруким.⁶³ В это время в Бахчисарае завершались мирные переговоры с представителями Порты в затянувшейся русско-турецкой войне. Однако, дипломатия не повлияла на задуманный разбор царедворцев по сотням в «полки бояр и воевод» для возможного военного похода к южным рубежам. Запись приездов служилых людей началась в Разряде с 28 декабря 1680 г. и продолжалась до февраля 1681 г. По указу «для ево государева смотру», в первые дни января каждый царедворец был обязан «изготовить сказки... за своими руками»⁶⁴ для выяснения готовности к походу, что практиковалось до царствования Алексея Михайловича. Людям московских чинов полагалось выставить одного человека «с боем» с 25 дворов.⁶⁵ В итоге этого требования возник крупный инцидент.

Разрядная смотренная комиссия, заседавшая в Ответной палате, выяснила 5 января 1681 г., что многие царедворцы написали в сказках о намерении поставить «людей с боем» к походу «с убавкою» – по сравнению со сказками, «каковы подавали на смотрех при отце ево государеве». Разрядные дьяки уличили царедворцев «в большой убавке» своих боевых холопов и потребовали царским указом от 6 января переписать сказки в течение трех дней – «с прибавкою» холопов по данным прежних сказок. Правительство хорошо представляло мотивы тех царедворцев, которые пытались скрыть часть своих боевых холопов. Необходимо было срочно обнадежить всех служилых. И Разряд предоставил гарантии не призывать в поход отдельно от царедворцев их «людей с боем», чтобы холопы могли «всегда быть с ними и никогда от них отлучены они не будут».⁶⁶ Боевые холопы царедворцев, которых снаряжали в поход, не похожи на рекрутов петровской армии. Холопы целиком зависели от своих господ, – как господа в своем повседневном и походном быту зависели от «людей без боя», а в случае боевых действий – от «людей с боем».

Благополучно устранив этот инцидент, разрядные служащие должны были подготовить росписи перечневых сказок (экстракты текстов сказок) перед царским «смотрением», то есть буквально за два дня.⁶⁷ В Передней палате дворца царь Федор Алексеевич лично смотрел «порознь» московских чинов.⁶⁸ Сохранился объемный список жильцов, по которому «смотр государев был».⁶⁹ Чиновных людей «по списку звал розрядной дьяк Василей Семенов, а с

⁶² Демидова Н. Ф. Указ. соч. С. 357–358.

⁶³ В частности, 7 ноября 1680 г. в Разряд из Поместного приказа для смотра была прислана новая роспись дворовых крестьянских владений жильцов. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 30.

⁶⁴ Сказки стольников и стряпчих в Ответной палате кроме боярина Долгорукого принимали думный дьяк В. Г. Семенов и дьяк Л. Пашин. Сказки дворян московских и жильцов принимали перед палатой стольник П. М. А. Лопухин, дьяки Ф. Л. Шакловитый и Л. А. Домнин. В Разряде сочинили своеобразный образец для написания сказок, в которых «указал в. г. им писать; 1-я – с которого году, хто в которой чин написан и после того, где хто был на службах и у дел, и на которых боях, где хто ранен или в полон был взят, и сколько хто где в полону был; 2-я – в которых городех и сколько за кем порознь по нынешним переписным книгам и сверх переписных книг по новым дачам ныне на лицо крестьянских и бобыльских дворов, и задворных и деловых людей, которые живут на пашне, и в которых городех за кем пашенные и оброчные деревни порознь; 3-я – на его в. г. службе, хто каков будет оружен, и что у ково будет простых лошадей с какими бои в полку и в кошу з долгими пищали и з бердыши». РГАДА. Ф. 210. Оп. 15. Д. 52. Л. 4–17.

⁶⁵ Там же. Л. 13.

⁶⁶ В указе была разъяснена нерушимость традиционного правила: «они опасение держат, будто тех их людей, которые они в скасках написали за собою з боем, у них возмут в службу особо, и то им ведомо самим, что наперед сего никогда того не бывало, и ныне и впред того не будет...». Там же. Л. 10–11.

⁶⁷ «А с того числа [8 января – А.З.] к смотру великого государя зделаны тех чинов людей в Розряде списки и в тех списках из сказок их под имяны их подписано о всем подлинно». Там же. Л. 11.

⁶⁸ Царь смотрел: стольников – 10 января, стряпчих – 11 и 13 января, дворян московских – 15 и 17 января, жильцов – 19 и 20 января. В зависимости от чина людей отпускали по домам также «порознь» спустя один-два дня после смотра.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 31.

Постелного крыльца отпускали их в Переднюю по списку ж розрядные ж диоки Федор Шаковитой, Ларион Пашин, Любим Домнин». После смотра в Передней палате зачитали список царедворцам, которых списочно зачисляли «в полки бояр и воевод», разбирая по сотням, назначая сотенные головы. Также разобрали отставных от «полковой службы» и нетчиков,⁷⁰ затем отпустили их по домам, чтобы «к его государеве службе строитца и збиратца и быть со всем на готове», ожидая указа о дате и местах сбора полков. Царедворцам разрешалось по заручным челобитным выбирать полк и записаться «волею своею» ранее срока. Однако после Бахчисарайского перемирия поход не потребовался, а впереди ожидалась новация в устройстве службы царедворцев.

В указе 24 ноября 1681 г., сообщенном Сильвестром Медведевым, говорилось о замене традиционного сотенного разделения людей московских чинов ротами под управлением ротмистров и поручиков вместо сотенных голов. Мотив введения этой меры комиссией боярина кн. В. В. Голицына был ожидаем: «чтобы прежде бывшее воинское устройство, которое показалось на боях неприбыльно, переменить на лучшее».⁷¹ Поэтому, назначения сотенных голов, произведенные в январе 1681 г., мгновенно устарели. Считать этот порядок принципиально новым для полковой организации, или своеобразной уступкой знати в виде формального подражания выборным полкам «нового строя», как это иногда трактуется,⁷² так же нет оснований. Ротные подразделения людей московских чинов вводились и при царе Алексее Михайловиче. Фундаментальная основа службы царедворцев с поместного жалования и с боевыми холопами не переменялась. Недовольство среди знати вызывало не введение рот, а несколько конкретных назначений в ротные ротмистры и поручики. Массового или крупного недовольства знати источники не подтверждают. Младшие отпрыски нескольких знатных фамилий в первый эшелон назначений за малолетством были «в чины не приказаны», и, тем самым, уступали менее знатным.⁷³ Своевременную запись «новики» – недорослей (детей людей чиновных), достигших совершеннолетия, в течение XVII в. будировала власть; последние новики записывались в жильцы в 1703 г. (см. п. 2.2). Бояре и «выборные люди», предлагавшие кандидатуры в ротные офицеры, озвучили комиссии князя Голицына свои опасения, чтобы родам, которых пока миновали, «в том укоризны и упреку» не было. Угроза грядущих местнических распрей оказалась весомым доводом для отмены местничества – речь не шла об устранении повсеместного влияния клановых связей и родства при назначении царедворцев на новые «службы», что показали военные и дворцовые походы.

⁷⁰ Столбец обрывается фразой о написании отставных, нетчиков «в сем ж списку ниже сего» и скрепой Ф. Шаковитого. Там же. Л. 17.

⁷¹ Созерцание краткое... С. 53.

⁷² Лавров А. С. Регентство царевны Софьи. СПб., 2017. С. 142–143.

⁷³ Согласно замечанию хорошо осведомленного С. Медведева, в ротмистры не были выбраны представители княжеских фамилий Трубецких, Одоевских, Куракиных, Репниных, Троекуровых, Лобановых-Ростовских и боярского рода Шеиных. См. Созерцание краткое... С. 54–55.

3.3. Приезды служилых людей во время Троицкого похода 1682 г.

Люди московских чинов оказались в эпицентре двух политических кризисов, названных современниками «смутным временем» в годы двух Троицких походов: «Троицкого походу 7190/191-го году» – 1682 г., и «7197/198-го году» – 1689 г. Обыденные выезды государя из Москвы в Троице-Сергиев монастырь (Троицу) происходили ежегодно.⁷⁴ Во время Троицкого похода 1682 г. вся царская семья и большая часть расколотой правящей элиты особенно нуждались в поддержке ратных людей «в нынешнее осеннее трудноватое время», чтобы противостоять диктатуре столичной власти кн. И. А. Хованского. Тактика царского двора в нейтрализации власти столичной стрелецко-солдатской верхушки выбиралась наощупь. В самой гуще кризиса обстановка ежедневно менялась.

Сложный путь царского двора из Москвы к Троице начинался 30 августа в село Коломенское. Поход с 3 по 17 сентября 1682 г. в приказных бумагах назван также «Савинским походом».⁷⁵ Царский двор переезжал 2 сентября из Коломенского в Воробьево, 4 сентября – в Павловское, 6 сентября ехали в звенигородский Саввин-Сторожевский монастырь; 10 сентября двор вернулся в Павловское, 12 сентября – в село Хлябовское, 13 сентября – в Воздвиженское. Ближе к ночи 18 сентября цари вступили в Троице-Сергиев монастырь. Именно в эти дни произошли события, судьбоносные для каждой из сторон.

Видное участие людей московских чинов в защите государей в Троице-Сергиевом монастыре запечатлено в подлинных указах, росписях, приказной статистике и нескольких документах, неизвестных ранее в историографии. Современники, близкие к событиям, по-разному описали «правительственные силы». Авторы летописей и хроник, не имея точных документальных сведений, не могли перечислить всю вереницу чинов «московских», «городовых», конных и пеших людей. В Мазуринском летописце говорится о 40 тысячах «храбрых мужей» под Троицей. В иностранных известиях из «курантов», говорилось о воле царя «принять остерегания ради разных чинов дворян московских и городовых, и шли с ними от Троицы з 20 000 человек к Москве...».⁷⁶ Можно предположить, что под «храбрыми мужами» подразумевались «люди с боем», сопровождавшие своих господ, условно названных другим автором «дворянами московскими и городовыми». Стрельцы и солдаты, бывшие в Москве под надзором князя Хованского, как огня боялись «боевых холопов», служившим «чиновным» помещикам.⁷⁷ В сентябре объявлялся указ о сборе боярских «даточных» людей – одного конного человека со 100 дворов. Данные о численности боевых холопов и даточных людей, собранных под Троицким монастырем, к сожалению, остаются неизвестными. Напротив, прибытие людей московских чинов возможно проследить более пристально. Тем более, что известия подлинных источников получили различные трактовки исследователей, соотносивших разные моменты Троицкого похода.

Несмотря на изматывающий путь царского двора, первая рассылка грамот о высылке ратных людей из уездов к государям началась примерно 6–8 сентября 1682 г. В «Савинском походе» двор государей до 18 сентября обслуживало 8 разрядных подьячих, к которым позже присоединились еще 19 человек⁷⁸. Забегая вперед, замечу, что вовлеченность разрядных

⁷⁴ «Человек» стольника Я. С. Пушкина Борис Кузьмин в своей сказке 5 сентября 1681 г. объяснял, что «написан государь мой Яков Степанович в Троицкой поход, а государя моего на Москве нет, съехал в деревню для ради болезни людей своих, что многие люди лежат огневою и в походе быть для ради болезни невозможно». РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 628. Л. 128.

⁷⁵ О царском походе из Москвы и о казни Хованских 1682 г. // ЧОИДР. 1907. Кн. 4. Смесь. С. 51, подлинник: РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. Стб. 1038; Оп. 5. Д. 67. Л. 60.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683. Д. 5. Л. 56–57.

⁷⁷ Соловьев С. М. История России... Кн. VII. М., 1991 С. 285–286; Богоявленский С. Б. Хованщина // Исторические записки. Т. 10, М., 1941. С. 219.

⁷⁸ С 3 по 18 сентября в «савинском походе... приехали в Троицкой Сергиев монастырь» были подьячие Фед. Замятнин, Ив. Тарасов, Исая Ляпин, Макс. Парамонов, Фед. Кузьмин, Игн. Бирин, Гав. Давыдов, Анд. Федоров; 20 сентября – Фед. Дуров, 21-го – Мих. Щербаков, Вас. Фефилятьев, Ив. Наумов, Ал-й Матвеев, 24-го – Карт. Томилов, Леон. Кобяков; 25-го – Вас. Айтемиров, Ив. Попов; 26-го – Гав. Федоров, Лавр. Богданов, Ил. Ларионов, Дм. Комаров, Ив. Бубнов, Ив. Звенигородцев, Ив. Струков; 29-го – Ал-й Яцкой, Ив. Никитин; 30-го – Гав. Алексеев, 3 октября – Леон. Клишин, 5-го – Ал-й Панов. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 60–61.

служащих в это «трудноватое время» для царского двора не раз определяла тон разговора с «бунтовщиками» и всю тактику действий правительства. Разрядные подьячие рассылали грамоты городовым воеводам с указом, чтобы «чиновные и ратные люди» собирались «со всею службою наскоро, с великим поспешением днем и ночью, не отымаясь ничем и не дожидаясь о высылке вашей инога нашего в. г. указу», и брали «с собою людей своих со оружием сверх сказок своих с прибавкою». ⁷⁹ Традиционно указ городовым воеводам «для вышеписанные наши, великих государей, службы» начинался с перечня жителей города и всего уезда – с московских чинов, городских дворян и детей боярских, копейщиков рейтаров, солдат «и всяких чинов ратным людям конным и пешим помещиком». ⁸⁰ Первоначально служилым повелевалось в Москву не заезжать и «быть со всем наготове», но срочно высылать царедворцев, записанных в жилые четверти с 1 сентября (см. п. 1.3 – о четвертях). После 17 сентября состоялся указ царедворцам приезжать в Троицу к «дворовому воеводе» боярину кн. В. В. Голицыну. Городовым дворянам и детям боярским после 26 сентября следовало ехать в полки «бояр и воевод» (в 30–40 верстах вокруг Москвы). ⁸¹

Сроки реальных приездов ратных людей к Троице горячо интересовали правительство – то есть царевну Софью и ее сподвижников в Думе и приказах. Реальная мобильность служилых – и в том числе царедворцев – могла выясниться только постфактум. Введение в оборот новых подлинных документов помогает распутать все узлы головоломок о приездах и службе чиновных ратников. Крупнейший исследователь Троицкого похода В. И. Буганов предположил, что в самые первые дни «к царскому поезду начали присоединяться вооруженные дворяне близлежащих от Москвы местностей». ⁸² Историк опубликовал «Список прибывших» к Троице 18 сентября с перечнем имён 317 человек. ⁸³ Но каким образом начала формироваться будущая «троицкая армия» при юных царях и царевне Софье Алексеевне?

Каналы пополнения и темпы сбора царедворцев проявляются при сопоставлении данных «Списка прибывших» к 18 сентября, текущего боярского списка, разрядных записей, и недавно обнаруженного фрагмента книги приездов в «Троицкий поход» царедворцев. ⁸⁴ Запись царедворцев, городских дворян, рейтаров, копейщиков кроме солдат, драгун, «боевых холопов» и даточных людей велась при дворе, а затем хранилась в приказе: «...а в которых числах приехали, и то писано в Розряде в особой книге порознь по чином, по

⁷⁹ Созерцание краткое. С. 160. Речь шла о сказках, сланных в Разряд в январе 1681 г. для смотра царедворцев.

⁸⁰ Восстание в Москве 1682 г. Сб. документов. С. 125–126.

⁸¹ Городовые дворяне и «ратные люди» из уездов собирались в трех местностях: под Коломной, в Серпухове (с боярином кн. В. Д. Долгоруковым), в Переславлем-Залесским (с боярином кн. П. С. Урусовым) – хотя указ предписывал сбор в 4 полка. В «Северный полк» в 30 верстах к северу от столицы воины ожидались к боярину кн. А. И. Голицыну и окольниковому кн. К. О. Щербатову в село Черкизово. Во «Владимирский полк» должны были съезжались владимирские и суздальские помещики к боярину кн. П. С. Урусову и думному дворянину И. Д. Голохвастову (в село Рогожу в 40 верстах от северо-востока Москвы). В «Рязанский полк», по коломенской дороге в 30 верстах от Москвы, съезжались к боярину А. С. Шеину и окольниковому кн. Д. Н. Щербатову. В «Заоцкий полк», по можайской дороге в 30 верстах от западных уездов, – к боярину И. Ф. Вольнскому и окольниковому Б. Ф. Полибину (по другим данным – к боярину кн. М. И. Лыкову). См.: Созерцание краткое. С. 124–125; Восстание в Москве... С. 188–189; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 289–294.

⁸² Буганов В. И. Указ. соч. С. 270.

⁸³ В этом перечне имён 124 стольников, 55 стряпчих, и 49 дворян московских, 91 жильцов, В. И. Буганов опубликовал «перебитый» столбец, заметив разницу почерков в перечне якобы «стряпчих» (Л. 263, 267, 269). В действительности, эти листы являлись частью перечня имён дворян московских. Подлинный список стряпчих должен располагаться следующим образом: Л. 262, 265, 268, 266, 264. См.: Восстание в Москве... С. 139–143.

⁸⁴ Фрагмент книги приездов надежно атрибутируется как начальная часть разрядного сборника («смотренного списка») о 1-м Троицком походе, в котором сохранилась подневная хроника приездов стольников «в поход» с 29 сентября и стряпчих с 5 сентября до начала смотра царедворцев 15 ноября в Кремле. Запись стряпчих «позноприездцев» с 26 октября по 3 ноября включительно проходила «в дороге», то есть практически до вступления царского двора 6 ноября в Москву (РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 420). Большинство имен таких же опоздавших из других «чинов» приведено в списках московских приездов, составленных по всем царедворцам, бывшим в Троице, но разобранных Разрядом 15 ноября в Москве. См. след. параграф. (Там же. Оп. 5. Д. 67. Л. 223, Л. 263–264, 308–309, 354–358).

месячно и по числом». ⁸⁵ При государях находилась небольшая, против обычая, походная свита: 26 думных людей, 43 комнатных стольника (спальника) и собственно царедворцев – 32 походных стольника и 9 стряпчих, двух служилых «для заимки станов». ⁸⁶ В «Списке прибывших» к Троице 18 сентября перечислены все приехавшие царедворцы, включая официальную свиту – стольников и стряпчих «летних походов».

Правительство от имени государей буквально на ходу возводило служилых людей, бывших поблизости, в новые чины и царскую походную свиту. С 1 по 17 сентября на «государевом дворе» в селе Коломенском и шедших «в поход» с государями пожаловали: 23 человека – в стольники, 45 жильцов и недорослей – в стряпчие (пятерых из них немедленно перевели в «походные», то есть в официальную свиту для «летних походов»). ⁸⁷ Нити управления царедворцами в сентябре 1682 г. хорошо прослеживаются на примере стряпчих, подневные приезды которых запечатлела вышеупомянутая книга приездов (прил. 3).

В начале «похода» к царскому двору прибывали немногие. Например из стряпчих, ежедневно присоединялся один-два человека. Зная общее число людей московских чинов до 18 сентября и пропорцию «чинов», можно предположить, что до прибытия двора к Троицкому монастырю в царский поезд записывалось по 12–18 царедворцев в день. Из стряпчих, пришедших до 18 сентября, практически все состояли в «жилой чети» (четверти), то есть находились на службе в столице, в приказах или при особах государей. Трехмесячная июньская четверть (четвертая по годовому счету) завершилась в столице для царедворцев 31 августа, отслужив которую, они могли «с чистой совестью» уехать в свои имения. Услышав царский указ и вести из «савинского похода», царедворцы последовали за царями. В то же время, к столице должны были съезжаться служилые к началу сентябрьской четверти. С конца августа городские воеводы получали указ высылать людей московских чинов в сентябрьскую «жилую четь», минуя столицу, «без мотчания» к Троице. ⁸⁸ И этот указ сработал. Спустя две недели 16 сентября, судя по приездам 5 стряпчих в село Воздвиженское, «походное войско» пополнилось незначительно. В день казни князей Хованских, 17 сентября, правительство приняло решение укрываться в Троицком монастыре «ради опасения» от действий московских стрельцов. Вновь в уезды из Троицы поскакали гонцы с новыми грамотами о созыве ратных людей. В этот день ожидали прибытие уже полсотни царедворцев из столицы, которые в большинстве приехали вовремя. И накануне отъезда государей к Троице служилое окружение двора заметно возросло. В частности, 17 сентября свои приезды записали 34 стряпчих (прил. 3). ⁸⁹

Так, царский двор постепенно вырос за счет служилых людей, состоявших в жилых четвертях и бывших в столице. До середины сентября это пополнение, конечно же, было незначительным, но ожидаемым и очень желанным. Благодарность от царей и царевны первым ратникам не заставила долго ждать. Награды щедро посыпались на служилых людей, преимущественно нижних чинов из уездов. Из 91 жильца, прибывшего к государям с 1 по 18 сентября, 23 человека практически немедленно превратились в царских стряпчих. ⁹⁰

⁸⁵ О царском походе... С. 54.

⁸⁶ О царском походе... С. 50–51.

⁸⁷ Всего пожаловано 1 сентября в стольники 12 человек из 23, в стряпчие – 25 человек из 45. Новопожалованных, бывших при дворе, в книгу приездов Савинского (Троицкого) похода не записывали. В стряпчие и в списки «походных» пожалованы: 1 сентября – Е. С. Крюков, С. С. Крюков, 7 сентября – Е. П. Сомов, 10 сентября – Е. Д. Сонцов. Числившихся в походных стряпчих пожаловали в стольники: 1 сентября – П. П. Нечаева, 10 сентября – А. А. Милюкова (в разрядном списке «походных» показан стряпчим) и Д. П. Сомова (которого сразу перевели «в походные стольники»). РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 22. Л. 86–88 об., 172–176; Оп. 21. Д. 420. Л. 63–66; Восстание в Москве... С. 142–143; О царском походе... С. 49–51.

⁸⁸ ДАИ. Т. 10. С. 82.

⁸⁹ Примерно 14–15 сентября цари указали прибыть из Москвы в Воздвиженское 19 стольникам, 9 стряпчим, 3 дворянам, 18 жильцам, большинство из которых прибыли 17 сентября, в том числе стряпчие: Ф. Я. Хрушов, И. Я. Якушкин, В. П. Федоров, О. И. Кузьмин, В. И. Чириков, 22 сентября – Л. Л. Грос, И. К. Обресков. Неизвестно о прибытии А. И. Лодыженского и Б. Я. Савелова. РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 319. Л. 20–22; Оп. 21. Д. 420. Л. 64–67 об.; Восстание в Москве... С. 139–143.

⁹⁰ Жильцы, оказавшиеся у государей с 1 по 18 сентября, пожалованы в стряпчие (не походные): 1 сентября – А. Л. Камынин, Н. М. Кутузов; 2 сентября – А. И. Анненков, 8 сентября – И. Д. Григоров, 17 сентября – Г. Ф. Балакирев, Н. С. Зиновьев, М. И. Коробын; 25 сентября – А. И. Шанский, 26 сентября – Ф. П. Шанский, В. Г.

Особенно в первые недели массового призыва к Троице, пожалования выглядели и действенной мерой, и наградой за службу. Чин «стряпчего по Передней», то есть «по московскому списку», был большой честью для служилых, имевших близкого предка в этих чинах, как и удачей для тех, кто оказался при дворе «в нужное время». Половина из новых стряпчих владели 1–2 дворами или были беспоместными – например, Филат Шанский, знаменитый по громкой свадьбе, устроенной царем в 1702 г. Правительство не разбирало иные способности служилых людей, кроме быстрого приезда «со всеми службами», о чем говорит серия последовавших разжалований. Четырех повышенных чинами в сентябреноябре в течение нескольких месяцев понизили. «По сыскному делу за вину» было велено написать в городские дворяне стольника кн. П. Ф. Мещерского; стряпчих Н. М. Кутузова, И. А. Пущина и Н. А. Хомякова.⁹¹

По приездам стряпчим видно, что следующий всплеск приездов царедворцев пришелся на конец сентября: 29 числа прибыло 44 человека, а 30-го – 105 (прил. 3). Известно, что 25 сентября число всех царедворцев перевалило за тысячу, составив 26 сентября 1114 человек.⁹² Хотя, с середины следующего месяца прибытия сокращались, к 22 октября удалось собрать 4935 из «московских чинов».⁹³

Таким образом, с момента рассылок грамот в уезды о сборе царедворцев в конце августа, 6–8 сентября и после казни Хованского, до крупных или массовых приездов проходило около двух недель. Для наращивания «когорты» царедворцев до половины «наличного» состава,⁹⁴ потребовался месяц – с 25 сентября по 22 октября. Учитывая состояние коммуникаций того времени, столь скорые приезды могли воодушевить правительство. Исход кризиса в пользу государей и царевны Софьи решило сочетание принятых мер – в том числе мобилизации служилых. Известия об этом окончательно дезорганизовали московских стрельцов. Пополнение царской ставки, шедшее по инерции, открыло для правительства не менее важные качества «чиновных и ратных» подданных – «прямую службу» и верность государям.

Атмосфера приездов в Троице-Сергиев монастырь ощутима в контексте сведений о семейно-родовых связях по сказкам и поднежным записям стряпчих (прил. 3) и стольников.⁹⁵ Уездные ратные люди приезжали к Троице «служилыми кланами», в которых несколько близких родственников служили по «московскому списку». Не менее 93 таких «кланов» имели в одном-двух поколениях стряпчих, прибывших в Троицкий поход одновременно: отцы с сыновьями, родные и двоюродные братья, дядья с племянниками (прил. 3).⁹⁶ Если учесть кровно-родственные связи по всем обладателям московских чинов, то получается следующая картина – примерно каждый четвертый приехавший к Троицкому монастырю, был вместе со своим «чиновным» родственником. В таких случаях имена родных из одного клана следовали друг за другом в записной книге приездов. Установить отношения свойственников, вероятно, потребует специальное исследование.

Так же вместе держались по службе двоюродные братья Иван Евсеевич и Никита Епифанович Бехтеевы из елецких помещиков. В 1682 г. Ивану едва исполнилось 20 лет, когда они вдвоем с братом получили стряпчество – незадолго до Троицкого похода. Иван

Шишков; 28 сентября – Д. К. Панов, Я. Я. Филимонов; 30 сентября – кн. С. А. Приемков-Ростовский, 15–16 октября – И. И. Крюков, Ф. И. Окулов; 22 октября – П. И. Крюков, С. В. Секиотов, И. П. Скорятин; 1 ноября – В. В. Григоров. РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 22. Л. 172–183 об.

⁹¹ Там же. Л. 89, 172–172 об., 185

⁹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 645. Л. 1555.

⁹³ В беловом варианте приказных подсчетов записано: «В нынешнем во 191-м году в Троицком Сергиеве монастыре в приезде московских чинов людей октября по 22 число: столтников 640 ч., стряпчих 578 ч., дворян 1001 ч., жильцов 2716 ч., итого 4935 ч. Да в полках... в приезде записались... итого 547 ч.». Там же. Л. 43.

⁹⁴ В это время «налицо» – то есть числилось «годных» по спискам «полковой службы», – 7625 царедворцев. См.: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 319. Л. 515.

⁹⁵ Данные приездов в Троицкий монастырь сохранились за все время о стряпчих, о стольниках – с 29 сентября. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 420.

⁹⁶ При составлении таблицы родственные фамильные связи установлены по совпадению отчества и фамилии, и/или последовательной записи приездов в чиновной рубрике одного дня приезда. Имена родных братьев в 96–98 % записаны рядом.

служил «по городу» с 1680 г., а Никита, судя по всему, имел большой опыт жизненный и служебный. Братьям вдвоем было легче освоиться в Москве. В столице они, должно быть, задержались, дожидаясь пожалования в стряпчие. Отцы новоявленных стряпчих – родные братья, узнали о походе намного позже. Епифан Иванович, отец Никиты, был старшим в фамилии елецких Бехтеевых и крупным уездным деятелем. Незадолго до Троицкого похода, он, в свои 54 года, оставив пост осадного головы г. Ельца, отправился расследовать злоупотребления бывшего добренского воеводы К. Г. Руднева. Младшие сыновья Епифана Ивановича, Петр и Александр, не поехали к Троице «за малолетством», хотя Петру было около 17 лет. Отец Ивана Бехтеева – Евсей (Евсевий) Иванович был на 20 лет моложе своего авторитетного брата и находился примерно в то время «в украинских городах».⁹⁷ Интересно, что Евсей был пожалован в дворяне московские только в 35 лет – 28 января 1683 г., то есть на год позже своего сына попал в «московский список». Его сын, Иван Евсеевич, поднялся выше отца, минуя чин дворянина московского, и был более удачлив – он единственный из рода был пожалован в стольники (29 июля 1691 г.), и находился более двух десятков лет в Адмиралтейской канцелярии и у описи лесов.⁹⁸

Ранней осенью 1682 г., из елецкого клана Бехтеевых⁹⁹ к Троицкому монастырю поехали только двое стряпчих – Иван Евсеевич и Никита Епифанович, остававшиеся на время отлучки своих отцов за старших. Братья появились 17 сентября в селе Воздвиженском одними из первых, вызванных по указу – вероятно, поздно вечером¹⁰⁰. В этот же день в Воздвиженском «на площади у большой Московской дороги» казнили отсечением головы князей И. А. и А. И. Хованских.¹⁰¹

Не менее 1100 служилых людей «московских чинов», вставших под Троицей, состояли в близком родстве двух поколений (в том числе 220 стряпчих). Только из числа стряпчих можно выделить 93 «служилых семьи», из которых 18 «больших стряпческих кланов» насчитывали по три или более родственника, прибывших к Троицкому монастырю. Одна из таких семей состояла из четверых родных братьев – стольники Юшковы Алексей, Григорий, Михайло и Яков прибыли 24 октября, в последний день «троицкого» пребывания двора. К этому времени братья несколько лет проживали без отца – стольника Василия Григорьевича, разделив его вотчины в Козельском и Рязанском уездах. Юшковы долго служили – по крайней мере, известно о вступлении в государеву службу троих братьев с 1670 г. Младшим из них в 1682 г. шел четвертый десяток: Михайлу было 33 года, Якову – 38 лет. После Троицкого похода самым видным стольником стал Алексей, доросший во втором Азовском походе до ротмистра 17-й роты стольников. К 1703 г. Алексей «был на 12 службах», Яков – на 10, Михаил отметил «6 служб» к Азовскому походу.¹⁰²

При немощи или болезни старших родственников для «похода» допускалась замена службы на младших – детей или племянников. Стольники и стряпчие добирались к Троице по царскому призыву со своими «людьми с боем», которых указ требовал взять как можно большим числом, чем обещалось сказками 1681 г. Прибытие «служилыми семьями» и с «людьми з боем» несколько задерживало сбор царедворцев, но стремление родственников быть вместе «на одной службе» было нормой для XVII столетия и Петровского времени.

К октябрю 1682 г. предместье Троицкого монастыря невероятно уплотнилось постояльцами «всяких ратных чинов». К 26 сентября в Троице приезд записали из немосковских чинов, но, в основном, прибывшие из столицы: 20 человек «из смоленской шляхты», 34 городских дворян; 371 офицеров (в том числе 33 полковника, 28 полуполковников, 31 майоров, 82 ротмистра и капитана, 320 копейщиков и рейтар), всего

⁹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 39. Л. 85; Ф. 286. Оп. 1. Д. 8. Л. 356; *Ляпин Д.А., Акинъшин А.Н., Лильп И.Г.* Бехтеевы: материалы к родословию. Елец, 2020. С. 22, 28.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 22. Л. 302 об.; Д. 32. Л. 147; Д. 47. Л. 187; Ф. 286. Оп. 1. Д. 32. Л. 796.

⁹⁹ Однородцы елецких Бехтеевых рейтары Аф. П. и Гр. Аф. Бехтеевы приехали к Троице 22 сентября из Белева. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 5; Оп. 21. Д. 420. Л. 65 об.

¹⁰⁰ Имена братьев записаны последними в день приездов 17 января, а в «Списке прибывших» в Троицу к 18 сентября не значатся.

¹⁰¹ *Буганов В. И.* Указ. соч. С. 277.

¹⁰² М. В. Юшков скончался около 1703 г., получив отставку в 1696 г. Г. В. Юшков отмечен умершим в 1711 г. РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 39. Л. 45, 204; Д. 50. Л. 22, 150 об.; Д. 49 Л. 106 об.; Д. 58. Л. 23 об.

1859 человек.¹⁰³ В разрядной книге похода сказано и об итогах приездов людей немосковских чинов в Троицкий монастырь к 26 октября. Из 46 уездов приехало 1839 человек,¹⁰⁴ которые не относились к мифическому «городовому дворянству», но и эти данные неполны.¹⁰⁵ Неизвестным остается число «боевых холопов» и даточных людей.

Правительству удалось мобилизовать под Троице-Сергиев монастырь не менее 5117 царедворцев и еще 547 в трех полках «бояр и воевод» – по данным на 22 октября 1682 г., за 4 дня до выезда двора.¹⁰⁶ Новые данные подтверждают правоту В. И. Буганова (относительно предположения в статистике, но не в терминологии), полагавшего, что «численность дворянского войска... у Троицкого монастыря, не ограничивалась 5 тыс. человек, а значительно превышала эту цифру».¹⁰⁷ Из полков еще некоторое время, после приезда двора в столицу, не распускали царедворцев. Подьячие установили и число 1902 нетчиков, которые «да в полки не бывали»¹⁰⁸ и больных царедворцев.¹⁰⁹

Массовые отставки ратных людей не практиковались в Троицком походе, а отметки о заболевших неоднократно встречаются. К примерам троицких «осмотров» больных следует отнести нескольких отмеченных в книге приездов; но только об одном из них четко подтверждено в росписи. Двоюродного брата покойной царицы Агафьи Симеоновны стольника Кузьму Осиповича Грушецкого «осматривали в Троецком Сергиеве монастыре, а указу не учинено». Видимо, эта затяжная болезнь через 4 года привела его к смерти.¹¹⁰

Итог «призыва» становится более очевиден относительно всех «московских чинов», которых по-канцелярски в перечнях насчитали до 7625 человек.¹¹¹ Такой эффект явки почти двух третей царедворцев (74 %) могла обеспечить только слаженная государственная машина – думные и приказные люди, ставшие во главе «похода», городовые воеводы, уездные и приказные служащие.¹¹² Не приехавших людей (26 %) нельзя отнести к нетчикам. Из отдаленных уездов к Троице никого не вызывали. Правительство заявило 9 сентября отправление полутора десятков стрелецких и солдатских полков, царедворцев и городских дворян, для службы в Киев. Сборы объявлялись как маневр, и определенные к нему воины не выехали ни к месту назначения, ни к Троице.¹¹³

¹⁰³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 645. Л. 1555–1556.

¹⁰⁴ В том числе: 1075 рейтаров, 405 городских дворян «полковой службы», 215 копейщиков, 94 «новокрещена» из городских дворян и 12 гусар, прибыли стрелецкие начальники – «надворной пехоты капитаны», драгуны, офицеры и солдаты полка думного генерала А. А. Шепелева. Отмечены приезды с 17 сентября в село Воздвиженское: стольника и подполковника А. С. Чаплина, капитана А. Н. Полубояринова, поручика С. В. Айгустова, и еще около двух сотен офицеров. РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. Д. 67. Л. 55–59 об., 63–80.

¹⁰⁵ Так, волоколамский воевода Н. Мауринов сообщал о прибытии к Троице 21 драгунов и 38 детей боярских. См.: Восстание в Москве 1682 г. Сб. документов. С. 303–304.

¹⁰⁶ Аутентичная статистика, выборочно использованная В. И. Бугановым, показывает 4935 царедворцев. Сравнение с обнаруженным перечнем приездов обнаруживает неочевидную методику приказного подсчета. В книге приездов отмечено 884 стряпчих, в том числе 760 стряпчих, прибывших в Троицу с 20 сентября по 22 октября, но приказная статистика говорит о 578 стряпчих. Поэтому, общее число 5117 человек учитывает разницу, известную только по стряпчим. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 645. Л. 43; Оп. 21. Д. 420. Л. 63–107 об.

¹⁰⁷ Буганов использовал сомнительные термины «провинциальное дворянство», «дворянское войско»; но по отношению ко всей совокупности «чинов» – более нейтральный «правительственные силы». Буганов В. И. Указ. соч. С. 294.

¹⁰⁸ В статистике нетчиков – 429 стольников, 119 стряпчих, 625 дворян, 729 жильцов, – было отмечено, что «и в том числе новокрещенов 157 ч.». Кроме статистики, сохранился и более поздний вариант именного списка нетчиков, по трем «чинам», в которых расписано 113 стольников и 151 стряпчих, около 350 дворян московских. РГАДА. Ф. 210. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 645. Л. 36; Оп. 5. Д. 67. Л. 265–270 об., 311–319 об. 359–378.

¹⁰⁹ В перечне больных стольников отмечено 26 человек; однако, пятеро, по факту, были в Троицком походе. Из перечня 39 отставных стольников – 10 были «в походе». РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 271–275 об.

¹¹⁰ Там же. Оп. 21. Д. 611. Л. 2.

¹¹¹ К осени 1682 г. людей московских чинов «полковой службы», без учета отставных и бывших у «дел» приказов и воевод, числилось «налицо» (то есть списочно): 1390 стольников, 1180 стряпчих, 1900 дворян, 3155 жильцов. См.: Там же. Оп. 11. Стб. 319. Л. 515.

¹¹² Разрядные подьячие учтены по «приездам»: 8 человек, приехавших от Саввинского монастыря в Троицу с 3 по 18 сентября; и 21 человек – с 20 сентября по 5 октября. Там же. Оп. 5. Д. 67. Л. 60–61.

¹¹³ Буганов В. И. Указ. соч. С. 271.

Различия в наборе чиновных людей, боярских даточных и «боевых холопов», рейтар и солдат, говорят об отсутствии монолитного «дворянского войска» в Троицком походе. Правительство и речи не вело о разделении каких-либо столичных и провинциальных «чинов» в Троице или полках. Подлинные источники не отражают группу «столичных» или «провинциальных» царедворцев, поскольку большинство стольников и стряпчих, дворян московских, имевших свои дворы в столице, на летнее время уезжали в свои поместья по уездам. Служилые люди, которые несли службу по «московскому списку», вызывались из своих имений для службы «по четвертям». Без обращения приказных служащих к городovým воеводам, собрать царедворцев из уездов не представлялось возможным. О Троицком походе сохранились краткие воспоминания царедворцев, которые рассмотрены ниже.

Историки А. Н. Штраух и В. И. Буганов отмечали «исключительный энтузиазм» и «отклик дворянства» на призыв в Троицкий поход.¹¹⁴ Но был ли это порыв энтузиазма, объединяющего тысячи «дворян»? Способ вызова чиновных и ратных людей через указы воеводам, динамика приездов и родственные связи приехавших говорят об их исполнительности «прямо» служить государям. Царские указы, не содержали иных вариантов выбора, кроме отписки поместий за нетство. Тактика лавирования правительства, демонстративное форсирование награждений, опора на повиновение подданных, обеспечили успех 1-го Троицкого похода для государей, царской семьи и самих ратных людей. Указом от 25 октября 1682 г., в честь успеха над «заговорщиками», объявлялись крупные «придачи» к поместным и денежным окладам практически всем служилым.¹¹⁵ Стрельцы первыми массово получили жалование, оставалось провести награждения и ревизию людей московских чинов.

¹¹⁴ Штраух А. Н. Стрелецкий бунт 1682 г. // Научные труды Индустриально-педагог. ин-та им. К. Либкнехта. Сер. Социально-экономическая. Вып. 1. М., 1928. С. 50; Буганов В. И. Указ. соч. С. 289.

¹¹⁵ Например, прибывшим до 26 октября комнатным стольникам, обещалась «придача» по 70 четв. поместного и 7 руб. денежного жалования; людям московских чинов, дьякам, копейщикам, рейтарам, детям боярским – по 50 четв и 5 руб. «да ис поместей в вотчину с окладов со ста по 10 чети человеку». К 5 ноября состоялась раздача 10839 «наличным» московским стрельцам денежного жалованья 27751 руб. РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 319. Л. 163–167; Буганов В. И. Указ. соч. С. 218–224, 234–235, 311; ПСЗ. Т. 2. № 962.

3.4. Возвращение царского двора и смотры 1682/1683 г.

Переезд в столицу и ноябрьский смотр

К концу октября 1682 г. к Троицкому монастырю на несколько недель съехалось до трех с половиной тысяч царедворцев, их боевые холопы, несколько тысяч городских дворян. Из этого числа около пятиста царедворцев остановились в монастыре и близ Троицы на полтора-два месяца. Полковые воеводы, стоявшие вокруг столицы, уже 7–15 октября получили указ распустить часть ратников по домам, «чтоб им ныне раньше времени не изнужитца». ¹¹⁶ Распоряжение не касалось царедворцев, которые из полков «со всеми службы и запасы» вызывались к монастырю или оставались при полках. Долгое ожидание повелений о новых «службах» было привычно для ратных и чиновных людей.

Если 1-й Троицкий поход изучался историками по совокупности разрядных документов, то о зимнем разборе царедворцев, в историографии практически не говорилось. Слабое внимание к смотренным акциям объяснимо не только фрагментарностью дошедших документов, но и характером вопроса. К моменту решения царского двора покинуть Троицу политический кризис не угрожал царской семье, речь шла о службе ратных людей, вернувших стабильность установленной диархии, закрепивших власть царевны Софьи.

Возвращение двора в Москву не сулило царедворцам спокойствия. Правительство царевны Софьи, ожидавшее установления своего полновластия в столице, заранее решило устроить служебный смотр людей московских чинов. По косвенным данным, указ извещавший о столичном смотре 15 ноября 1682 г., мог быть объявлен перед выездом двора из Троицы – то есть около 24–26 октября. Царевна Софья и ее ближайшие сподвижники опирались на ратников, испытанных Троицким походом, чтобы пресечь возможный ропот стрельцов и солдат, недавно исполнявших приказы кн. И. А. Хованского. Руководству Разрядного приказа предстояло организовать приезд царедворцев, прибывавших в столицу, к государеву смотру в сжатые сроки. С «отпуском» царедворцев, стоявших в полках под Москвой, было решено повременить.

В последней трети XVII в. люди московских чинов проживали в Москве, согласно росписи по четвертям («четям»), по три месяца в год. Благодаря действующей разверстке по четвертям, из столицы в «поход» Троицкого похода вызывались царедворцы «четвертой чети». Будучи в Троицком монастыре, правительство ожидало ратников «первой чети» из уездов, заступавших на столичную службу с 1 сентября. Еще в конце октября разрядные подьячие определили число людей для каждой четверти, но до пространной именной росписи дело не дошло. Дьяки предложили расписать внутри каждого «чина» по четырем «четям» 5482 человека, бывших в Троице и трех полках. ¹¹⁷ Интересно, что подьячие по-канцелярски ловко распределили по четвертям даже тех людей, которые и «в полках не бывали». ¹¹⁸ Трех десяткам царедворцев бывшей четвертой «чети», было «велено жить на Москве» с 1 сентября по 1 декабря 1682 г., то есть служить по сроку первой четверти. ¹¹⁹

Переезд царского двора к Москве потребовал срочные перемены в организации службы царедворцев. После прекращения «смуты», созыв чиновных людей по прежним четвертям утратил смысл. Правительство царевны Софьи вновь полагалось на ратных людей и царедворцев, чтобы обеспечить безопасность столицы и охрану кремлевского дворца.

¹¹⁶ Восстание в Москве 1682 г. Сб. документов. С. 189–190, 309.

¹¹⁷ Раскладка по «четям» в Троице проводилась по двум «партиям», прибывшим к 22 октября 1682 г. – 4934 царедворцам в монастыре, и 547 – в полках «бояр и воевод». Чети обозначались кириллическими цифрами. Например, по этому проекту в 1-й чети – 1235 человек, в других – по 1233 человека: 160 стольников, 144 стряпчих (но в 1-й чети – 146), 250 дворян московских, 679 жильцов. В проекте пополнения «четей» 1902 служилыми людьми, пропустившими «поход», отмечено, что не было «и в том числе новокрещенов 157 ч.». РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 645. Л. 34–36.

¹¹⁸ С учетом нетчиков получалось в 1–4 «четях»: 1376, 1350, 1359, 1358 человек соответственно. По подсчетам приказных служащих, полковые нетчики могли бы заполнить четверти по 1832–1861 человека, что «налицо» составило бы «всего 7384 человек». Там же. Л. 37.

¹¹⁹ В Разряд прибыли и записались: 4 стольника, 7 стряпчих, 22 жильца. РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 319. Л. 1113–1115.

Дождавшись первого зимнего пути, 6 ноября 1682 г. государи и царская семья со свитой «походных» и дворовых людей торжественно вступили в Москву, расположившись в платах Кремля. Устройство двора и подходившей «армии» служилых людей должно было отразиться на повседневной жизни всей столицы и московских приказов. Разрядные служащие, бывшие в Троице, еще записывали «позноприездцов» по дороге в столицу. Будучи в кремлевском здании приказов, подьячие записали лишь несколько «приездов» царедворцев до начала смотра.¹²⁰

Для обустройства прибывших в столицу ратников потребовалось несколько дней. Служебный смотр царедворцев, Разряд проводил 15 ноября 1682 г. «за Переградую и на Постельном крыльце».¹²¹ Книги приездов на этот смотр, аналогичные «троицким», не обнаружены. Известны три именные смотренные росписи зимних смотров-разборов,¹²² а также выписка о 3295 царедворцах, которым «велено быть на Москве».¹²³ Не позже середины ноября разрядные дьяки приказали «и буде тех московских чинов людей росписать тотчас(?) на три статьи». Приказная разверстка царедворцев по трем статьям состоялась простым разделением общего числа, известного Разряду – которое говорит о численности царедворцев, прибывших к Троицкому монастырю и полкам.¹²⁴ Вероятно, предложенная дьяками разверстка на статьи могла заменить прежние четверти, но свидетельства о воплощении этого проекта остаются неизвестными.

Именные смотренные чиновные росписи, после разборов, переплели вместе с записными тетрадами «троицких» приездов людей «всяких чинов» в единый разрядный сборник («смотренный список»). В настоящее время удалось установить наличие двух третей первоначального объема этого ценного документа.¹²⁵ Большинство сохранившихся росписей созданы накануне смотра в Кремле 15 ноября и для разборов 29 декабря и 22 февраля.¹²⁶ Поэтому, на основе этих росписей невозможно судить о численности людей, приезжавших в Троицкий монастырь.¹²⁷

¹²⁰ В книге приездов Троицкого похода запись стольников «в приезде в дороге» завершают имена В. Г. и В. И. Чертковых (датировано от 15 ноября). В смотренной росписи список «поздоприездцев» дополнен фамилиями Ф. И. Языкова, Д. Л. Воронцова, И. Б. Е. и И. М. Е. Лачиновых. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 420. Л. 60–60 об.; Оп. 5. Д. 67. Л. 263–264.

¹²¹ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 319. Л. 516.

¹²² Порядок следования фамилий совпадает с перечнем царедворцев «полковой службы» – исключая занятых на воеводстве, у дел приказов, отставных, больных, пожалованных в комнату или в думные чины и другие фамилии, не отмеченные пометами в боярском списке. Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 18–94 об.

¹²³ В выписке указана статистика по чинам: 750 стольников, 512 стряпчих, 781 дворян московских и 1252 жильца. Эти цифры близки к численности по именной росписи, составленной к смотру. РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 319. Л. 523; Оп. 5. Д. 67. Л. 82–184.

¹²⁴ Вероятнее всего, еще до смотра планировалось распisać 7625 «наличных» царедворцев, то есть следуя списку, «опричь тех которые на воеводствах и в посылках и у дел и отставных, и походных». В новой разверстке на статьи исходили из других данных, записав в каждую из трех статей 5630 человек: «стольников по 463 ч.», «стряпчих по 393 ч.», дворян московских по 390 человек, по 631 жильцу. Эта роспись по новым статьям близка к числу царедворцев, прибывших в 1-й Троицкий поход. По состоянию на 22 октября известно о 5443 прибывших царедворцев. Вариантом названия статей в проекте разверстки были «доли». РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 319. Л. 515, 524.

¹²⁵ Около 220 листов из 678 листов этого разрядного сборника утрачено или хранится как не атрибутированные фрагменты. Пагинация начальной части произведена арабскими цифрами. Оригинальный лист № 289 соответствует в современной пагинации листу № 1. Примерно четверть дошедших документов (23 % объема) были созданы во время 1-го Троицкого похода: «книги» приездов стольников (частично), стряпчих, городских дворян (частично), рейтар, копейщиков, гусар, стрелецких начальников, разрядных подьячих, «полков» думного генерала А. А. Шепелева; итоговая сводка по всем 46 городам. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 1–81 об.; Начальная часть разрядного сборника хранится отдельно: Там же. Оп. 21. Д. 420 (в документе единственная пагинация: Л. 36–108. Таким образом, утрачены «приезды»: стольников (с 3 по начало 29 сентября), дворян московских; жильцов, городских дворян и «ратных людей» Владимира, Суздаля, Юрьева Польского, Переславля Залеского, Ростова, Ярославля, Романова, Костромы).

¹²⁶ Три смотренные разборные росписи датированы писцами в заглавиях, которые открывает заглавный лист. Списки нетчиков составлены на основе данных приездов к смотру и к Троице. РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. Д. 67. Л. 82, 186, 223–224.

¹²⁷ По мнению А. С. Лаврова, «смотренный список» Троицкого похода 1682 г. якобы «позволяет утверждать, что в Троицу приехало 1513 стольников, 413 стряпчих и 885 московских дворян». Выявленная аутентичная статистика и данные приездов опровергают представления о съезде трех тысяч царедворцев как

Смотренной комиссией зимы 1682/1683 гг. руководил опытный и влиятельный думный дьяк, глава Разряда В. Г. Семенов, бывший одним из организаторов смотренных акций 1670-х гг. (см. п. 3.2). На новом смотре думному дьяку не пристало кликать зычным голосом служилых людей, отмечать их «ести» и «неты». В. Г. Семенов принимал смотр стольников, удостоверив их роспись. Разрядный дьяк Л. А. Домнин смотрел стряпчих и дворян московских.¹²⁸ Для оперативности разбора Разрядный приказ выбрал два «смотренных места» в Кремле. Но, кажется невероятным, чтобы очный смотр всех «чинов» царедворцев длился в течение одного дня – как указывает разрядная выписка. Действо смотра перешло в канцелярский разбор – с учетом челобитных комплектовался «государев полк», составлялись и новые росписи. До начала марта 1683 г. состоялось не менее трех разборов царедворцев.

Разрядные подьячие отмечали приезды царедворцев к смотру, спрашивая об опоздавших сослуживцах. В смотренной росписи напротив имен 132 стольников были сделаны пометы «н», указывающие на неявку к сроку, затем поправлены.¹²⁹ Чтобы подвести итоги смотра, требовалось сделать «очистку» росписи – то есть обновить сведения, иначе говоря, верифицировать полученные данные.¹³⁰ После «очистки нетей» подьячие составили перечни больных, переведенных из числа «нетчиков». По общей росписи также подсчитали нетчиков,¹³¹ а итоги смотра отразили в приказной выписке. В ноябрьскую смотренную роспись разрядные служащие включили имена 724 стольников, 551 стряпчих, 333 дворян московских и около 1200 жильцов.¹³²

В течение затянувшегося разбора царедворцы не могли покинуть Москву без разрешения Разряда. До начала смотра 44 царедворца получили «отпуск» домой – в «свою деревню» на две–три недели,¹³³ подав челобитную. Безсрочный «отпуск для разорения» получили стольники К. С. и А. С. Титовы и А. В. Баранчеев.¹³⁴ Долгий разбор царедворцев, не

заниженные. К тому же число стольников, прибывших в Троицу, не могло превысить их «наличный» состав около 1390 человек, а сведения о жильцах должны быть учтены в общем числе царедворцев; три именных росписи разрядного сборника за 15 ноября, 29 декабря и 22 февраля отмечают, например, 724, 820 и 875 стольников, соответственно, отмечены и другие «московские чины». Вторая и третья росписи повторяют около двух третей первой росписи. Итог о 2846 царедворцев, указанный С. К. Богоявленским без ссылки, относится к ноябрьскому смотру 1682 г., и отмечен в финальной статистике. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 82–116, 186–222, 224–262 об.; Новгородский стол. Стб. 319. Л. 516–522; *Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 219; Лавров А. С. Указ. соч. С. 63.*

¹²⁸ Росписи этих чинов удостоверил Л. А. Домнин; роспись жильцов неизвестна.

¹²⁹ После второй сверки имен появились «вторичные» пометы – дополнения первичных помет «нет»: «Нет. Сказ был», «Нет. Был», «Нет. С. Е.», «Нет. +», «Нет. 1», «Нет. Сказ болен», «Нет. Отписать». Так же у имен и фамилий встречаются знаки «+», «1». Три пометы у имен стольников не идентифицированы. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 82–116.

¹³⁰ К началу смотра не явились стольники, бывшие «в полку на Коломне» – С. Ф. Загряжский, И. М. и Г. М. Сунбуловы, И. Б. И. Лихарев, И. Д. Щепотьев, кн. Н. Н. Гагарин; «в Переславле в полку» – кн. И. К. мурзин Шейдяков, И. И. Лодыгин, В. Л. Юшков, кн. Ф. И. Барятинский, Г. А. Суворов, А. С. Горяинов, В. Ф. Змеев, Н. П. Милуков, кн. С. М. Вадбальский. По справке не оказалось ни в полку, ни на смотре 9 стряпчих и дворян; 11 стольников «на смотре ж не были, а про них сказали, что они болны». РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 84, 89, 91, 93, 96, 97, 102–105, 108 об., 110 об., 113; Оп. 21. Д. 611. Л. 8 об.–10 об.

¹³¹ Подсчет нетчиков по трем именованным росписям, с учетом «очистки» (12 стольников, 5 стряпчих, 14 дворян московских), дает сейчас практически точное совпадение с приказной статистикой нетчиков: стольников – 12 (исправлено из: 16), стряпчих – 6 (исправлено: из 7), дворян – 14 (исправлено из: 16), жильцов – 42. В отдельной росписи больных отмечено: «На смотре не были, а про них сказали, что болны»: 11 стольников (в т.ч. 1 умер), 2 стряпчих, 3 дворян московских. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 82–184; Новгородский стол. Стб. 319. Л. 516–518; Оп. 21. Д. 611. Л. 1–6 об.

¹³² Писцы включили в роспись и нескольких стольников, пожалованных чином с 1 сентября до 14 ноября 1682 г. Кажется, что имена новых стольников заносились выборочно – вероятно, потому, что имена некоторых из них попали в боярский список позже составления смотренной росписи. Перечень жильцов не сохранился в книге приездов Троицкого похода, но один из вариантов перечня жильцов относится к этому времени. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 25. Л. 484–609 (с закрепой думного дьяка В. Г. Семенова).

¹³³ Отпущены «в деревню» до смотра, без подтверждения указа в Разряде, : 18 – стольников и 10 «по указу», 4 стряпчих. На смотре не были, но «отпущены по указу» – 9 дворян и трое «без указа». РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 611. Л. 7–10 об.

¹³⁴ Стольник А. В. Ляпунов 2 декабря был «отпущон» до 25 декабря, а его сын Т. А. Ляпунов – на две недели; стольник Ф. И. Сухотин, отмеченный «в нетах», был отпущен ранее, а «приехал декабря в 16 день». 20

исключавший новые очные смотры, заставил обращаться их родственников в Разряд для помощи. Стольник А. У. Подымов по челобитной получил «отпуск» после указания – «велено быть з дедом в деревне Борисове».¹³⁵

Результаты ноябрьского смотра царедворцев 1682 г. походились по нескольким росписям, в одной из которых отмечены нетчики.¹³⁶ В итоговой выписке разрядные подьячие насчитали по всем четырем чинам, включая жильцов, «в естех 2846 человек»,¹³⁷ «в нетех» – 74,¹³⁸ больных – 16,¹³⁹ «в отпуску по указу» – 31; отпуск других 17 человек не подтвердился в Разряде. Еще о 36 человек «на смотре сказали, что они в полках, а по справке с приездами в тех полках» – сказанное не подтвердилось.¹⁴⁰

По ноябрьским смотренным спискам Разряд выяснил поместные владения почти 3 тыс. царедворцев, назначенных на временную службу к Москве.¹⁴¹ Около трети из них (29,1 %) были беспоместными или с владели менее 10 дворов, владения; сведения о дворах около 20 % царедворцев неизвестны. Как и следовало ожидать, самыми «малопоместными» оказались жильцы – 73,9 % от всех царедворцев росписей.

Кроме формальной статистики смотра, следует учесть и политические последствия. Правительство полагалось на царедворцев и ратных людей, как на испытанную и надежную военную силу. Руководство Разряда и служилые люди были обоюдно заинтересованы в проведении служебного смотра, чтобы документально удостоверить пребывание в столице. Люди московских чинов вступили в Москву вместе с царским двором не ради церемонии, а для государственной службы. По указу 25 октября, ратным людям и «московских чинов» дозволялось «на Москве и в походах ходить с саблями и с шпагами и с иным таким же ружьем», что запрещалось стрельцам – кроме караульных нарядов.¹⁴²

Автор «Созерцания краткого» Сильвестр Медведев сообщал о замысле правительства направить царедворцев из под Троицы к Москве для обеспечения безопасности Кремля: «На их же, царского величества дворе, ради всякого опасения, уставлены быша столники, стряпчие, жильцы, дворяне московские все по очереди, со оружием, пременяться чрез неделю сотнями». Медведеву вторил иностранный автор известия, попавшего в «куранты»: «...меж тем, их царского величества дворяне вседневно ходят с саблями и с обухами при государских полатах, и во всяких случаях готовы суть к брани».¹⁴³

Службы «вместо отцов» и зимние разборы

Правительство ожидало к Троицкому монастырю, как сказано выше, московских чиновных людей из десятков «служилых семей», получивших указы о приезде к Троице от городских воевод. Возрастные и отставные, немощные и больные царедворцы, должны были отправить вместо себя в «поход» и на смотр сыновей. Действительно, «в приезде в их место

ноября думный дьяк Ф. Л. Шакловитый разрешил дворянину И. Я. Ильину отлучиться на две недели. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 85, 177 об., 195, 235, 238 об., 248 об.

¹³⁵ Там же. Л. 214 об.

¹³⁶ Там же. Л. 82–184 об.; Оп. 21. Д. 611. Л. 1–10 об. (о нетчиках).

¹³⁷ В сумме, по чинам «в естех», получается на одного человека больше – 2847 человек: 633 столника, 481 стряпчий, 618 дворян московских, 1115 жильцов. Там же. Л. 516–519.

¹³⁸ Там же. Новгородский стол. Стб. 319. Л. 516–519, 522.

¹³⁹ Согласно выписке больных: 11 столников, 2 стряпчих, 3 дворян московских. Там же. Л. 516–520.

¹⁴⁰ В Разряде не подтвердились приезды царедворцев в три полка, стоявших под Москвой и подчиненных правительству в Троицком монастыре: 2 стряпчих «в Переславле», 7 дворян московских (на Коломне – 2, в Переславле – 5), 26 жильцов (на Коломне – 11, в Серпухове – 1, в Переславле» – 12). РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 319. Л. 519–522.

¹⁴¹ Среди записанных в выписке «Порознь по 9 дворам» 2726 царедворцев, оказалось: 650 «малопоместных», владевших менее 10 дворов (23,8 %), 163 беспоместных (6 %), 32 кормовых (1,2 %); «малопоместные»: 23 столника, 21 «беспоместных», без данных о дворах – 120 человек, «кормовых» – 10; 85 стряпчих, 24 «беспоместных», без данных – 90, кормовых – 2; 52 дворян московских, «беспоместных» – 2, без данных – 149; 490 жильцов, 105 «беспоместных», 8 «пустопоместных», без данных о дворах – 210, «кормовых» – 20 человек. Там же. Л. 523–526.

¹⁴² ПСЗ. Т. 2. № 961. С. 474.

¹⁴³ Созерцание краткое. С. 165; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683. Д. 5. Л. 56–57.

записались» из стольников: М. В. Кутузов отправил своего 29-летнего сына Ивана «из стряпчих»,¹⁴⁴ кн. К. Н. Щербатов – сына Петра, И. Я. Пятово – сына Михаила. Из дворян московских В. С. Дохтуров – отправил 19-летнего сына Дмитрия, который «служил со 187-го году вместо отца своего по московскому списку по 208-й год, а с 208-го году по жилецкому списку».¹⁴⁵ Также поступили и другие отставные дворяне московские: Т. П. Зыбин отправил к Троице своего 35-летнего сына Ивана,¹⁴⁶ М. Б. Рахманов – сына Андрея, А. И. Вышеславцев – сына Дмитрия, П. Ю. Арсеньев – сына Федора, кн. Л. М. Вадбальский – сына кн. Данила, Ю. Ф. Митусов – сына Степана, И. М. Нефимонов – сына Григория.¹⁴⁷ Дворянин М. М. Данилов-Домнин отправил своего 19-летнего сына Алексея «в жильцах», который считал Троицкий поход своей первой службой.¹⁴⁸ Стряпчий Парфен Жураковский был в походе «вместо отца» отставного дворянина Феокиста Елизарьевича Жураковского, хотя был чином выше и должен был получить собственный наряд на службу.¹⁴⁹ Трагедия произошла в семье стольника кн. В. Н. Вяземского – его сын князь Петр, записавшись «по приезду», умер.

После очного ноябрьского разбора, зимняя смотренная акция людей московских чинов продолжилась. Дьяки представляли, что разбор затянется надолго, выдав в начале декабря «отпуски» с расчетом на возвращение служилого человека в начале января.¹⁵⁰ К концу декабря 1682 г., подьячие составили новую роспись, добавив имена нескольких сотен царедворцев. В начале нового перечня 820 стольников записано: «191-го декабря 29-го смотреть». Некоторых царедворцев Разряд вызывал персонально на смотр. Так, например, три брата стольники Нестор, Никита и Павел Саввичи Ивашкины были «взяты ис полку».¹⁵¹

Спустя два месяца, вероятно, был вновь устроен смотр царедворцев, о котором мало известно. Разрядные подьячие составили третью роспись людей московских чинов, которые «по переписке, а иные по челобитью написаны в Государеве полку». Роспись начиналась словами: «191-го февраля в 22 день смотрены столники...».¹⁵² Росписи к декабрьскому и февральскому разборам обновлялись именами царедворцев, ранее бывших в Троице, или теми, которые «в Троецком Сергиеве монастыре не были».¹⁵³ В итоге, с начала ноябрьского смотра до конца февраля прибыло 222 стольника.

Некоторые царедворцы были вынуждены просить «отпуск» по семейным заботам, другие назначались на государеву службу. Стольник И. Л. Сомов был «по подписной челобитной отпущен февраля со 8-го на 2 недели», стольник Д. Л. Дубенский был с 15 февраля «отпущен в деревню» без указания срока. Десятки царедворцев, не дождавшись смотра, назначались на воеводства, «на посольства» и на другие «службы». Из стольников П. Д. Давыдов был «отпущен на воеводство», Б. Л. Аргамакову «велено быть на Веневе», кн. А. Ф. Шаховскому «велено быть с отцом на Луках», кн. К. И. Белосельскому «велено быть с отцом в Путивле». Стольник Я. А. Опухтин был «отпущен к отцу на Романов», стольник Г.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 7. Л. 296.

¹⁴⁵ Там же. Д. 8. Л. 256.

¹⁴⁶ Там же. Д. 7. Л. 1044.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 88, 113 об., 141 об., 147, 157, 165, 170 об., 173 об., 174, 180 об.; Оп. 21. Д. 611. Л. 4.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 8. Л. 813.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 181.

¹⁵⁰ Стольники: М. И. Яковлев 1 декабря был отпущен на 6 недель, А. И. Поливанов – до 6 января, К. М. Соловой-Петров отпущен 25 декабря на 2 недели. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 201 об., 206 об., 208 об.

¹⁵¹ «Взяты ис полку» также стольники: братья И. М. и Г. М. Сунбуловы, М. А. Лодыженский, И. Т. Кузьмин, Н. Г. Чернышев, П. Ф. Загряжский, А. Н. Юшков, В. А. Палицын, А. Г. Борщов, А. Ф. Малыгин, И. Г. Суворов, Ф. А. Чичерин. Там же. Л. 204 об., 206 об., 212, 213 об., 214, 215 об.

¹⁵² Там же. Оп. 5. Д. 67. Л. 223 (заглавие), 224–262 об. (стольники), 276–306 об. (стряпчие), 320–351 (дворяне московские). На л. 224 сверху слова «Стольники» вписано «191-го февраля в 22 день смотрены...». В конце фразы не читаются два слова.

¹⁵³ Из новоприбывших отмечены пропустившие «поход»: П. П. Пушкин, И. Л. Наумов, Е. С. Кондырев, И. А. Волынский. Судя по отсутствию в данном перечне отметок о дворовых владениях, перечни других «чинов» этого разбора не сохранились. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 67. Л. 186–222 об.

М. Ртищев – «отпущон с отцом». Назначение кн. Ф. М. Козловского подьячие решили удостоверить, отметив о нем: «справитца, отпущон на Саратов».¹⁵⁴

Посмотрим, как запомнились события времен 1-го Троицкого похода и столичного разбора самими участниками – по сказкам начала 1720-х гг. О воплощении замысла охраны дворца и Москвы, о котором упоминал Сильвестр Медведев, спустя почти четыре десятка лет вспоминал поручик Рижского гарнизона В. И. Обарин. В месяцы «смуты» жильцу Обарину исполнилось 17 лет, когда он был «во время бунту стрелецкого в первом походе при царском величестве в Троицком Сергиевом монастыре и в Москве в ночах в Золотой палате».¹⁵⁵

Спустя четыре десятилетия «поход» воспринимался как служба, принесшая чины и «придачи». Около половины упомянувших этот «поход» в своих «офицерских сказках» – 6 человек из 15 (бывших во время похода царедворцами, рейтарами или «из иноземцев») связали его со «смутным временем» 190-го года.¹⁵⁶ Вспоминавшие 1-й Троицкий поход посевшие ветераны были в то время молодыми людьми. Например, 14-летний стольник В. С. Нарбеков «в смутное времени был в Троицком Сергиевом монастыре», спустя 6 лет он был пожалован в комнатные стольники не без внимания к прежней службе.¹⁵⁷ 17-летний И. И. Рагозин «...с началу того [190] году был по наряду в Троицком походе», за что был пожалован в жильцы, а за второй Троицкий поход – в стряпчие.¹⁵⁸ Будущий полковник Л. Г. Исупов также вспоминал в 1722 г.: «во 191-м году был я в стряпчих при е. и. в. в Троицком большом походе в смутное время, и того ж году за службы свои пожалован стольником» (будучи тогда 18-летним).¹⁵⁹ Обрусевший потомок курляндца, выросший до бригадира, Т. И. Трейден был пожалован «за поход» в прапорщики и «иноземческим окладом»: «Как учинился на Москве от стрельцов бунт, в то время по указам вашего ц. в. повелено из Немецкой слободы служивым иноземцам ехать всем к Троице Сергиеву монастырю, и я с оными для принятия службы вашего ц. в. поехал как валентир».¹⁶⁰ Трейден оказался одним из немногих, кто называл «смутное время» стрелецким бунтом. Троицким походом называли последующие события 13 человек из 15 ратных людей, а двое – «службой в Троице Сергиевом монастыре». В крайнем меньшинстве оказались царедворцы, не перешагнувшие унтер-офицерский ранг за десятилетия службы. Стряпчий А. Д. Шипулин, получивший первый чин в 20 лет в 1680 г., и отмеченный в росписи ноябрьского смотра 1682, а затем в десятке походов и сражений Северной войны, прослужил до 1716 г., а в отставку ушел полковым квартирмейстером.¹⁶¹ Зимние разборы декабря-февраля служилые люди не вспоминали – 1-й Троицкий поход оставил большее впечатление.

Повлиял ли первый смотр царедворцев эпохи диархии на последующие события и судьбы людей? Документы делопроизводства и личного происхождения по-разному отражают смотренную акцию ноября 1682 г. Во всех известных случаях (по сказкам 1720-х гг.) прослеживается связь смотра с 1-м Троицким походом. Зимняя смотренная акция 1682–1683 г. завершилась для царедворцев как очередная роспись «служб». Разборы продолжили политическую линию правительства Софьи для обеспечения безопасности царского двора и всей столицы. Данные о дворцовладении царедворцев, поддержавших государей в «трудноватое время», показали правительству ресурсы и степень реального обеспечения царедворцев. Из участников Троицкого похода на смотрах был заново скомплектован «государев полк». Более трех тысяч царедворцев рекрутировались для охраны и умиротворения столицы после недавней «смуты».

¹⁵⁴ Там же. Л. 262, 204, 231 об., 234 об., 235 об., 211, 237 об., 213, 238 об.

¹⁵⁵ ОСГВ. Т. 1. С. 815–816.

¹⁵⁶ ОСПА. Т. 1–2; ОСГВ. Т. 1–2; ОСОЗЧ. Т. 1.

¹⁵⁷ В. С. Нарбеков в 1695/96 гг. был прапорщиком Семеновского полка; в годы Северной войны служил адъютантом у Б. П. Шереметева в Пскове в 1702 г., «в команде» Г. И. Головкина; в Дмитрове занимался высылкой фуража, и в 1720–1721 гг. в московской Адмиралтейской канцелярии «у отправлении мундира и карабельных материалов». РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 7. Л. 10–10 об.

¹⁵⁸ ОФГВ. Т. 2. С. 1503.

¹⁵⁹ ОФОЗЧ. Т. 1. С. 55.

¹⁶⁰ ОФПА. Т. 1. С. 56.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. Д. 67. Л. 138 об.; ОФГВ. Т. 2. С. 1111.

3.5. Смотры царедворцев и «нских чинов» царевной Софьей Алексеевной

Зимой 1682/1683 г. юные государи и царевна Софья отстранились от личного «смотрения» царедворцев. Государям не позволял возраст, а царевне – традиция. Потребовалось полтора года, чтобы найти способ «выхода» царственной особы к подданным по обычаю служебных смотров в Московском государстве. Разрядная запись 1684 г. гласит, что «июля в 18 день... изволила великая государыня благородная царевна стольников и стряпчих, и дворян смотреть в селе Коломенском».¹⁶² Автор разрядной хроники умалчивал о событиях середины июля, но уточнял, что в дни этого смотра царь Иван Алексеевич находился в селе Коломенском.¹⁶³ Неизвестно, смог бы болезненный царь выдержать утомительную процедуру «смотрения», но при регентстве родной сестры этих усилий и не требовалось. Сохранился смотренный список этого разбора, но указ о созыве царедворцев остается неизвестным. К смотру вызывали не менее 1200 царедворцев. Масштаб разбора и сам факт «смотрения царевной» людей московских чинов, отмеченный в подлинном столбце Московского стола Разрядного приказа, не вызывают сомнений.¹⁶⁴

История действий царевны неизбежно включены в историографический контекст восприятия ее личности и режима правления. «Изволение смотреть» людей московских чинов представляется не иначе, как весьма смелое решение царевны в управлении подданными, как вызов традиции государевых смотров, возглавляемых прежде царем или его сановниками. В то же время царевна не лишала юных монархов их прерогатив, а формально исполнила задачу главы смотренной комиссии.

Незадолго до этого события, в апреле 1684 г., Разряд по запросу Посольского приказа организовал в традиционном русле служебный смотр царедворцев для церемонии встречи «свейских послов». Шведские дипломаты К. Гюлленшерн, барон О. Штакельберг и И. Клингстедт прибывали для подтверждения Кардисского и Плюсского договоров. За несколько дней до их приезда Разрядный приказ проверял жильцов по росписи, проводил «смотрение служб» в сенях перед Столовой палатой.¹⁶⁵

Новый служебный смотр в селе Коломенском царевна Софья объявила для разбора дворовых людей 10 января 1686 г., «чтобы дворовым людям быть указному числу», а остальных отставить.¹⁶⁶ Служащие приказа Большого дворца прислали в Разряд 11 января 1686 г. выписку об отставке 417 чарочников, подключников и дворцовых стряпчих с Хлебного, Кормового и Сытного дворца. Было «велено написать в службу, хто в каких пригодитца» 325 человек. С дворовых людей взяли сказки для смотра, чтобы выяснить их служебный опыт, чиновное происхождение отцов и дворовые владения. Выяснилось, что отцы дворовых людей происходили из самых различных слоев, чинов, занятий и состояний.

Писцы составили чиновный перечень отцов дворовых по «вертикальной» иерархии: от высших статусом людей московских чинов и дьяков – до низких. После чина городских дворян и выше рейтаров, разрядный дьяк сделал прочерк, а внизу перечня чинов вписал помету – «итого тех, у которых отцы были в рейтарех и в ыных нских чинех – 147 человек».¹⁶⁷ Так, можно условно отметить, как современники понимали перечень «чинов нских», то есть расположенных ниже городских дворян и детей боярских.

¹⁶² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 685. Л. 9.

¹⁶³ Известия о перемещении царей начинаются с записи от 21 июля, когда царь Иван Алексеевич возвратился из Коломенского в Москву. Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 293–294.

¹⁶⁴ Смотренная акция июля 1684 г. не привлекала внимания историков, видимо, потому, что главенство царевны Софьи на служебном смотре, при известном пути к власти, воспринималось как закономерное, не требующее исследования.

¹⁶⁵ Сохранился смотренный список жильцов 7192 г. РГАДА. Ф. 210. Оп. 3. Д. 34. Л. 1–156.

¹⁶⁶ Судя по заглавию смотренного списка, разбор велся от имени государей и царевны Софьи: «и по их государскому смотру и по розбору во дворе быть не велено, а велено их отослать в Розряд». РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 55. Л. 1–1а; Оп. 9. Стб. 710. Л. 1–2.

¹⁶⁷ Со слов дворовых людей Разряд отметил, что их отцы состояли (далее в порядке, изложенном в приказной выписке): 9 человек в московских чинах (в т. ч. 3 в дьяках), 173 – «по городу», 29 – рейтарами, 15 – из дворовых людей, 12 – в «конюшенном чину», 2 – капитанами, 2 – кречетниками, сокольниками, 3 – из царичиных, патриарших и митрополичьих детей боярских, 17 – подьячими, 26 из попов и церковных

Условное деление на «высокие, средние и низкие чины» практиковалось современниками Московского государства. Чтобы более объемно увидеть разницу в статусе людей дворовых и людей московских чинов, достаточно обратиться к указам о пожаловании «придачами» за Вечный мир с Речью Посполитой 1686 г.¹⁶⁸

Главенство царевны Софьи на смотре дворовых людей в начале 1686 г. косвенно подтверждают сказки его участников, рассмотренные ниже. Дворовых людей, отставленных от государева двора, но годных к другим службам, отправляли в Разряд и другие приказы, как было принято в предыдущие царствования. Так, отставные дворовые люди, совместно с царедворцами, участвовали в «походе» против разинцев после «большого» смотра 1670 г. (см п. 3.2).

За несколько лет до разбора, около половины дворовых людей, назначенных к отставке, приняли в служители на государев двор «из недорослей». Теперь же большинству из них сулила отставка. «Штат» двора сокращался, а кадры выведенные из него, по мнению правительства, были способны нести «полковую службу» по ведомству других приказов. Подчинение Разряду предполагало запись в чины, которыми управлял приказ. Согласно сказкам, 84 отставных дворовых людей «написали в московские чины».¹⁶⁹ Более трех сотен отставных передали в распоряжение приказов Рейтарского и Казанского дворца для определения в новый чин и «на службы».

Отставным дворовым людям, отцы которых служили в «низовых городах», было указано прибыть в Изюм в полк боярина и воеводы кн. Г. А. Козловского к 23 мая 1686 г. Бывшие дворовые не желали такой службы и за месяц до похода «били челом» об отмене наряда, сетуя, что они «люди бедные и разоренные и малопоместные и беспоместные». И это челобитье было далеко от лукавства. Государь и царевна, «слушав выписку» 25 апреля, согласились с доводами челобитчиков и «за прежние их службы и многие работы... быть им всем не велели».¹⁷⁰ Не только происхождение отцов, но и поместная мощь определяла возможность назначения человека в службу с царедворцами.

Двадцать пять отставных дворовых людей обратились в Большой дворец, чтобы вернуться в государев двор на прежние должности-чины. Но вновь занять должность позволялось только на «убылых стряпческих и подключничьих местах». Каждому просителю пришлось добиваться «место» для себя, через знакомцев и помощников. Бывший стряпчий Сытного дворца А. Т. Палицын хотел вернуться в подключники на место Василия Тонкова. Этот вариант ему подсказал степенной ключник Сергей Бохин, знавший, что Василий более на дворце «не стряпает». Бохин помог вновь устроиться еще нескольким отставным: для Михаила Маркова нашлось место подключника В. Г. Данилова, для Марка Нелидова – место степенного ключника Саввы Исакова, который «до смотру з год и после смотру не стряпает, а живет в деревне бес съезду». Одного из подключников Кормового дворца, И. Л. Богданова, отставили от двора за то, что он в сказке на смотре написал ложно о рейтарстве своего отца, который, по памяти из Рейтарского приказа, из служек Покровского девичьего монастыря «был взят в даточные, а не в рейтары».

В ту эпоху было престижным стать человеком чиновным. В целом дворовый чин оказывался доступнее «московского», но за обладание «места» во дворце кипела борьба и

причетников, 3 – трубниками, 2 – иноземцами, 3 – у псарей в приказчиках и в псарях, 1 – иконописцем, 1 – наборщиком, 2 – из посадских людей, 2 – из недорослей, 1 – «не в чину». Происхождение 16 отцов не было установлено. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 710. Л. 9–10; Ср.: Там же. Оп. 5. Д. 55. Л. 61 об.–64.

¹⁶⁸ ПСЗ. Т. 2. № 1187. С. 786–793.

¹⁶⁹ Из них «написаны»: в «стряпчие по Передней», то есть по московскому списку – И. А. Пекин; в дворяне московские – 27 человек; в жильцы – 47; еще 9 человек были из городского списка. Вероятнее всего, их отцы служили в «московских чинах». Из детей царедворцев владели поместьями: два человека – по 51 и 38 дворов, двое – по 23 и 20 дворов, 10 человек – от 10 до 18 дворов, 27 человек – менее 10 дворов каждый, 8 – «пустопоместные», 7 – без поместий; 18 – не отметили поместья. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 55. Л. 1–1а; Оп. 9. Стб. 710. Л. 20–22.

¹⁷⁰ Отцы 176 дворовых людей служили в свое время «по городу» в дворянах в 49 городах; отцы 157 дворовых – в рейтарах, боярских дворовых людях, в конюшенных и других чинах. Из потомков городских дворян, 41 человек владел от 1 до 8 дворов, 28 человек были пустопоместными, 20 – без поместий, 88 – не написали о поместных владениях. РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 710. Л. 20–25.

страсти личного соперничества. Приведу только случайную выборку примеров из истории устройства 25 возвращавшихся во дворец (на государев двор) людей. После отставки на смотре 1686 г. бывший дворовый и не состоявшийся царедворец И. С. Ботвиньев, по видимому, обратился к прежним связям во дворце, чтобы оказаться в подключниках Сытного дворца. Другой бывший дворовый В. И. Пусторослев рассчитывал на более высокий чин и поэтому «в приказе Большого дворца сказал, что он в подключниках быть не хочет». Подобные пожелания о «чине» среди царедворцев трудно представить и обнаружить даже единичные примеры.

Один из подключников И. Е. Волков должен был лишиться своего места, потому что написал в своей сказке об отце, который якобы служил «з городом по Мурому». Извет о ложной сказке подал бывший подключник Хлебного дворца Григорий Бекорюков. Пронырливый изветчик прознал, что отец Волкова, не состоял в городских дворянах, а служил во дворовых людях «боярыни» княгини Н. Л. Воротынской. Похожий извет подал Т. О. Губарев на подключника Кормового дворца М. Осанова. Он уличал бедолагу в подложности «чина» отца, бывшего не рейтаром, а крестьянином Новодевичьего монастыря – что подтвердилось выпиской из переписных книг 1648 г.¹⁷¹

Смотр дворовых людей 1686 г., был типичным разбором для отставки, не смотря на возвращение ко двору около трети «отставных». Спустя 30 лет двое отставных офицеров вспомнили эту страницу в своей чиновной биографии. В 1719 г. капитан Осип Саввич Ратков записал в сказке о начале своей службы с 25 лет в 1681/82 г. Будучи недорослем, он «во 194-м году по разбору блаженные памяти великие государыни благородные царевны и великие княжны Софии Алексеевны, с смотру ее, из подключников пожалован в генеральство господина генерала Петра Ивановича Гордона в сержанты».¹⁷² По тому же разбору в Коломенском, из подключников Хлебного дворца был написан в жильцы ровесник Раткова Василий Семенович Ярышкин. Бывший подключник участвовал затем в двух Крымских походах, а в 1696 г. «по рассмотрению думного дьяка» А. И. Иванова был пожалован в поручики рейтарского строя.¹⁷³

Две смотренные акции царедворцев 1684 г. и дворовых людей 1686 г. при царевне Софье, судя по дошедшим документам, направлялись по проторенной приказной колее. «Смотрения» служилых людей некоронованной особой только отчасти выбивались из неписанного канона Московского государства. Объявление «смотрения царевной» 1686 г. запомнились участникам. Разборы «чинов», строенные царевной, не претендовали на масштаб и блеск «больших смотров» царя Алексея Михайловича; не были описаны как «государские выходы» к смотру царедворцев царя Федора Алексеевича. К сожалению, подробности «выхода» царевны Софьи «к смотрению» неизвестны, но очевидно, что она умело воспользовалась традиционной практикой государственного «смотрения служб». Освоив важную для любого государя сферу коммуникации со служилыми подданными, царевна Софья вновь продемонстрировала свои политические амбиции.

¹⁷¹ Там же. Л. 26–34; Оп. 5. Д. 55. Л. 4.

¹⁷² ОСГВ. Т. 1. С. 353–354.

¹⁷³ Там же. Т. 2. С. 1230.

3.6. Наряды на службу царедворцев в Крымские походы

«Быть в готовности» для «крымского промысла»

Представители старшего поколения царедворцев Петра I, прошедшие Крымские кампании кн. В. В. Голицына, впоследствии состоялись как видные деятели на военном и гражданском поприще. Будущий белгородский губернатор и генерал кн. И. М. Кольцов-Мосальский в Крымских походах был стольником и посыльным воеводой («воеводой у знамени»).¹⁷⁴ Будущий сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин служил поручиком в дворянской роте Большого полка, в «рядовых» стольниках воевал будущий генерал И. И. Бутурлин. Семь петровских сенаторов получили военный опыт в Крымских походах: стольник кн. Я. Ф. Долгорукий известен как первый товарищ кн. В. В. Голицына,¹⁷⁵ ротмистрами служили Н. П. Мельницкий – в стряпческой роте, а М. М. Самарин – в жилецкой роте; во втором Крымском походе участвовал М. В. Долгорукий, вне чина царедворцев служил Я. В. Брюс. В стольниках того же похода были отмечены будущие сенаторы Г. А. Племянников – в Большом полку, и кн. В. В. Долгорукий – в Рязанском разряде. Имя будущего первого герольдмейстера С. А. Колычева мелькает в росписи стольников Большого полка второго Крымского похода.

Крымские походы были результатом дипломатических усилий сторонников царевны Софьи и ее планов. Установило мир и союз с польским королем и державами «Священной лиги» в 1686 г., московское правительство отправило несколько посольств с участием царедворцев (см. п. 2.3). Дипломатия кн. В. В. Голицына, воплощая политические амбиции царевны Софьи, создала и «обратную связь» для поддержки международного союза и удержания власти регентши.

Военный поход в Крым, исходя из риторики указов, виделся окружению царевны неизбежным и оправданным. Официальными доводами в пользу наступления царских войск назывались намерения крымского хана напасть на приграничные «государские Украинные и Малороссийские города», разорение церквей крымскими татарами, поругание православных святынь, нарушения перемирия, уничтожение пограничных городов, пленение и мучение христиан.¹⁷⁶ Подобные «притеснения» в адрес крымского хана звучали и годами прежде.¹⁷⁷ Последние капли государственного терпения наполнила история об унижении в Крыму московского посланника стольника Никиты Ксенофоновича Тараканова, который за «крымскую посылку» с сыном стольником Федором Таракановым были пожалованы воеводством к Соли Вычегодской.¹⁷⁸ Подьячий Петр Бурцев, сопровождавший посланника, в январе 1683 г едва выдержал «злые и великие ругательные долговременные мучения», а спустя три года скончался.¹⁷⁹ В одном из царских указов прорываются и глубинные мотивы московского правительства в войне против «злочастивых бусурман». Верхушка элиты болезненно переносила оскорбительные мнения других монархов: «стыдят и укоряют нас

¹⁷⁴ «Посыльными воеводами» во 2-й Крымский поход также были назначены кн. Б. Е. Мышецкий, В. М. Дмитриев-Мамонов, «воеводой большого наряда» – М. П. Беклемишев (Меньшой). Князь И. М. Кольцов-Мосальский царем именовался губернатором с 1703 г. (см. п. 6.1), но в приказных документах считался стольником и белгородским воеводой, а с 1706 г. – и генералом. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5. СПб., 1907. С. 56, 417; РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-6. Д. 34, Л. 569.

¹⁷⁵ В росписи наряда 2-го Крымского похода имя первого товарища воеводы Большого полка не было названо. Кн. Я. Ф. Долгорукий в наряде числился «на посольстве» во Францию и Испанию, хотя вернулся в Москву в мае 1688 г. Его назначение «в товарищи» состоялось после составления росписи наряда. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 144. Л. 25, 702.

¹⁷⁶ ПСЗ. Т. 2. № 1205. С. 812; № 1224. С. 835–842. Текст этого указа должен датироваться временем до упомянутого назначения воевод 22 октября 1686 г.

¹⁷⁷ В частности, в 1680 г. войско крымского хана Мурад Гирея напало в 1680 г. на города Белгородской засечной черты, потерявшие убитыми и плененными около 3 тыс. человек; было угнано 24 тыс. голов скота. Это вынудило кн. В. В. Голицына выдвинуться в Путивль для создания защиты и обеспечения переговоров с Турцией.

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 735. Л. 4 об., 12.

¹⁷⁹ ПСЗ. Т. 2. № 1224. С. 841.

соседние государи, что мы, имея многочисленное войско, ежегодно платим бусурманам дань, чего ни одно царство не делает». Со времен Чигиринских походов правительство царевны Софьи решило поставить на кон своей политики самые значительные людские силы и ресурсы.

С дворцового кремлевского Постельного крыльца, 3 сентября 1686 г. дьяк зачитал указ царедворцам и «всем чинам ратным людям» о подготовке к службе «со всяким усердным желательством», чтобы «запасы свои готовили полные». Первой причиной похода объявлялось намерение крымского хана «приходить войною к их государским Украинным и Малороссийским городам». К 10 сентября Разряд обещал объявить именные списки «по нынешней росписке на их государственной службе в полках».¹⁸⁰ Согласно указным грамотам, посланным городовым воеводам с 19 сентября запрещалось отпускать ратных людей из уездов «для своих дел» к Москве до объявления «по росписке по наряду».

Подготовка 1-го Крымского похода подкреплялась фискальными мерами – сбором денег для жалованья «ратным конным и пешим людям» и окладного хлеба. Налоги с людей «чиновных» объявлялись без какого-либо намека на уравнивание «помещиков». Финансовые предложения о Крымской кампании думные дьяки выносили царям «в доклад», который долго обсуждали в Думе.¹⁸¹ Один из подлинных документов подтверждает, что такие денежные сборы и список с докладной выписки отправлялись в Печатный приказ и Разряд согласно указу 20 сентября.¹⁸² Правительство традиционно придерживалось «починовной» разверстки денежного сбора «вместо службы», учитывая различную состоятельность служилых категорий среди царедворцев, которые получили одобрение Разряда не выезжать в поход.

В царском указе 22 октября 1686 г. говорилось об извещении в Разряде воевод разрядных «полков»-корпусов о местах грядущего сбора для «промысла над крымским ханом». Из указа 28 ноября, вновь оглашенного на Постельном крыльце, ратные люди услышали о повелении прибыть в полки к 1 марта 1687 г.¹⁸³ Большой полк собирался во главе с воеводами: боярином кн. В. В. Голицыным – в Ахтырке, Новгородский разряд с боярином А. С. Шеиным – в Сумах, Рязанский разряд с боярином кн. В. Д. Долгоруковым – в Хотмышке. Во главе двухтысячного Низового полка, также идущего к Ахтырке, был поставлен стольник и воевода И. Ю. Леонтьев. Севскому полку, во главе с окольным и воеводой Л. Р. Неплюевым, объявили сбор у Красного Кута.¹⁸⁴ Новгородские служилые люди из «чинов московских», бывшие в момент указа в столице, как «помещики дальние» должны были

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Ч. 13. Д. 1. Л. 66 об.–68 об. Частично опубликовано в ПСЗ. Т. 2. № 1205. С. 812.

¹⁸¹ Указы 9, 13 и 20 сентября объявляли «прежние» примеры денежных сборов, устанавливая новые расчеты и ставки. С отставных служилых людей и воевод, приказных и дворовых, вдов и недорослей, вновь собирали по 1 рублю с одного крестьянского или бобыльского двора. С людей думных, ближних и московских чинов, с походных стольников, и стряпчих, и конюшенного чина, и «иных чинов», оставшихся на Москве, взымали по 80 копеек с двора. Со старых и больших царедворцев «из нынешняго наряду»; и со всех, «которые за чем оставлены будут на Москве», с отпущенных на воеводства «с того наряду», собирали по 2 рубля с двора. За денежные сборы в сроки до 1 и 25 декабря 1686 г., и до 6 января, отвечал Печатный приказ во главе с думным дьяком Д. М. Башмаковым. Там же. №. 1210. С. 817–820.

¹⁸² Походные стольники платили деньги в Печатный приказ с оставшихся в Москве и бывших в Путивле; и в 7193 г. в Козлове деньги за «поход» не взымались. В документе фиксируется сбор с отставных стольников, оставленных в Москве, по 1 рублю или по 2 рубля с двора «в Розряд». Так, со стольника кн. П. Г. Львова «взято в Розряде денги по рублю». РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 735. Л. 12.

¹⁸³ Согласно записной разрядной книге, этот указ датируется не 22-го (как кажется, недопечаткой литеры в публикации), а 28 ноября. Рассылка грамот с его текстом в уезды началась 1 декабря – вновь был объявлен сбор Севского полка у Красного Кута, Низового полка («низовым городам») со стольником И. Ю. Леонтьевым в Ахтырке. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Ч. 13. Д. 2. Л. 85 об. –87. Опубликовано: ДРВ. Т. 16. С. 385–393.

¹⁸⁴ В «поход» созывали людей «полковой службы», кроме бывших в Путивле в 1680–1681 гг. с боярином кн. В. В. Голицыным. Вне этого исключения назывались ратники, которые были в походах в 1685 г. в Козлове и Цареве Борисове, люди, за которыми в прежних походах служили «дети, братья, племянники, свойственники и даточные люди», бывшие на воеводствах, платившие деньги вместо службы. Городовые воеводы в уездных городах «биричем кликали в торговые дни», а в другие станы и места посылали людей с наказными памятями. Списки сысканных и наряженных ратников воеводы отправляли в Разряд. РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Ч. 13. Д. 1. Л. 67–68 об., 77–80 об.

ехать «в дома свои, и к службе строиться». Всем ратникам вновь повелевалось быть в готовности, чтобы «запасы свои в те назначенные места посылали по нынешнему зимнему первому пути вскоре» и ожидать точных сроков прибытия к полкам. Правительство ожидало пополнения войска за счет написания в московские чины детей и близких родственников чиновных ратников, которые, достигнув четырнадцатилетнего возраста,¹⁸⁵ в «полковую службу поспели». Ослушников из царедворцев ожидала запись в городовые рейтары без денежного жалованья, а городовых дворян – перевод в солдаты.¹⁸⁶

Для Крымского похода Разрядный приказ готовил именную роспись царедворцев по текущим служебным спискам «полковой службы», учитывая прошедший поход в Путивль в 1680 г. и на Изюм в 1686 г. К наряду не включались перечни царедворцев «в походе за государем и царевнами», занятые в приказах, на посылках, на городском воеводстве. К 10 сентября 1686 г. разрядные подьячие составили подробнейший «нарядный список» («наряд») с обозначением «служб» каждого из 4 тысяч царедворцев.¹⁸⁷ К началу января расписали еще 75 тыс. человек из городских дворян, уездных рейтаров и солдат по 55 полкам.¹⁸⁸ Росписи стрелецких и солдатских полков готовили подьячие других столичных приказов, росписей разборных комиссий «из городов» поступали в Разряд. Благодаря сказкам государева смотря 1681 г., упомянутым выше (см. п. 3.2), Разрядный приказ мог оперировать данными о количестве царедворцевых «людей с боем», которые в «наряды» не включались. По давнему опыту, разрядные служащие хорошо понимали, что разбор «служб» в столице занял бы не менее месяца. Для «крымского промысла» силы и средства ратников на столичный постой ради смотря было решено не тратить.

К концу XVII в. московское войско состояло из конгломерата разрядных полков царедворцев, стрельцов, солдат, рейтаров, казаков, людей даточных; временных и постоянных корпусов, распределенных по крупным «полкам» (современным аналогам дивизий). Два века разрозненных мер московского правительства в устройстве ратных сил образовали несколько вариантов войсковой инкорпорации людей московских чинов. В конце правления царя Федора Алексеевича, «сотни» из стольников, стряпчих, жильцов в «полках бояр и воевод», были окончательно скомплектованы в роты, состоящие из 40–70 человек. Каждая рота управлялась ротмистром, которому подчинялись поручик и хорунжий. Введение рот не изменило «сотенной» основы войсковой организации людей московских чинов, которые не обучались «солдатскому строю» (в чем и не было особой необходимости). Царедворцы продолжали служить с доходов от своих поместий и вотчин, выступали в поход со своими «людьми» (боевыми холопами), со своим транспортом, вооружением и запасами. В самообеспечении сотенного войска скрывается одна из причин его жизнеспособности. Более мощное ударное звено в военных походах представляли солдатские и рейтарские «полки нового строя» пехоты и конницы (рейтаров, гусар, копейщиков), организованные по регулярному принципу.¹⁸⁹ Во время военных походов эти «полки», будучи многотысячными корпусами, превосходили другие соединения пропорцией офицеров и уровнем военного обучения.

Военно-политические аспекты истории Крымских походов освещены в современной историографии. Рассматривается соперничество знати за воеводские и ротные назначения, действия войска и отдельных «полков».¹⁹⁰ Судьбам и походному быту служилых и

¹⁸⁵ В указе объявлялось о возрасте 15 лет, что по меркам того времени обозначало исполнение 14 полных лет и начало пятнадцатого года жизни.

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Ч. 13. Д. 1. Л. 79–80 об. Опубликовано: ДРВ. Т. 16. С. 378–385.

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 133. Л. 1–307 (1687 г.); Д. 140. Л. 1–163 (1689 г.).

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 75. Л. 70–101 об.

¹⁸⁹ Например, корпус П. Гордона (2-го Московского выборного солдатского полка) состоял из трех «регментов» («полков», «тысяч»). *Гордон П.* Дневник (1684–1689). С. 137.

¹⁹⁰ *Лавров А. С.* Указ. соч.; *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть. СПб., 2008; *Великанов В. С.* Детали похода армии В. В. Голицына в 1687 г. // Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Ростов н/Д, 2016. С. 32–39; *Кочегаров К. А.* Бунт «полка» Григория Косагова на Запорожье: малоизвестный эпизод первого Крымского похода 1687г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 5: Пятое чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2017. С. 218–224.

«чиновных» людей уделяется наименьшее внимание – что, видимо, объясняется итогом походов, и, конечно, традицией в историографии. Между тем, сохранилась переписка воевод, приказные памяти, отписки, смотренные росписи и наряды, книги приездов и служебные сказки. История подготовки, участия и повседневного быта ратников в Крымских кампаниях 1680-х гг., могли бы раскрыть роль и место выходцев из «сотенных» полков русского войска накануне Азовских походов и Северной войны. Анализ военных кампаний Московского государства, собравших максимальные людские ресурсы, но не достигших задач, соразмерных своим масштабам, целесообразен для понимания последовавших политических кризисов.

Сотенные «полки»-корпуса для Крымского похода правительство набирало из чиновных «москвичей», служилых людей «городового списка», уездных копейщиков, рейтаров и солдат. По канцелярским расчетам, в 1-й Крымский поход набиралось 112 тыс. человек всего «войска» (в том числе около 9,1 тыс. человек сотенной службы).¹⁹¹ К марту 1687 г. ратники Большого и Низового полков должны были собраться в Ахтырке. Другие разрядные «полки» находились в близкой дислокации.¹⁹²

Обоз царедворцев в Крымском походе

Отчасти образ походной жизни людей московских чинов в военных кампаниях конца XVII в. передают служебные сказки и воеводская переписка. Перед продвижением из Ахтырки к Крыму в конце марта 1687 г., боярин и воевода Большого полка кн. В. В. Голицын приказал собрать сказки о транспорте и запасах царедворцев. На лоскутках бумаги чиновные ратники собственноручно должны были написать о количестве своих телег и «коше» (то есть припасах), с которыми они собирались «в поход и в обоз». Сохранилось более трех сотен сказок от 410 стряпчих, погружающих в атмосферу передвижения людей московских чинов к Крымскому ханству.¹⁹³

Обоз Большого полка составляли тысячи телег. Наиболее обеспеченные ратники, со своими «людьми с боем», передвигались внушительным поездом. Для транспортировки фуража, дров и воды обычно использовали «телегу без кровли». Сами воины передвигались в «служивых телегах», имевших верхний каркас для ночлега. Выявленные 325 сказок от неизвестного объема документов других «чинов», могут считаться неполными, но повторяемость данных позволяет обратить внимание на типичные примеры. Так, стряпчие Дмитрий и Павел Галактионовичи Зиновьевы рассказали, что в походе «за нами будит пять телег, а шестая адиночка для конскова корму и дров, и воды. То наше и скаска. Писал Павел Зиновьев своею рукою». Их спутник Зиновий Раевский приехал к Ахтырке, и шел в походный обоз с «две телеги с кровлями и третья лехкая бес кровли для конскова корма». Стряпчие князя Г. И. Шелешпанский и А. С. Вадбольский, вероятно, ехали со своими людьми – каждый на двух телегах, а князь Я. Ф. Болховской писал, что «на службе великих государей из Ахтырки будет со мною в обозе три телеги». Стряпчий кн. А. Г. Ухтомский утверждал, что «в Крымском походе людей за мною человек с простою лошедью, да в обозе телега с кровлею, а другая без кровли для конскога корму». По инерции прежних сказок князь вспомнил о 15 своих дворах в трех уездах, что для обозного счета сообщать не требовалось.¹⁹⁴ Стряпчий П. Н. Кадышев-Новокрещенов в коротком отрывке решил вместить длинное перечисление титулов великих государей, самой царевны и кн. В. В. Голицына. Между прочим, он лаконично писал, что «из Ахтырска людей будет со мною з боем четыре человека да в обозе телег со мною четыре телеги».¹⁹⁵ Судя по естественной

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 75. Л. 70–101 об.

¹⁹² РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Ч. 13. Д. 1. Л. 77 об.

¹⁹³ Примерно каждая четвертая сказка написана от лица двух людей из «московских чинов».

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 710. Ч. 3. Л. 138–167, 285–325.

¹⁹⁵ Использование полного титула в такого рода кратких сказках говорит, по крайней мере, о знании и принятии служилым человеком официального именованья первых лиц государства. Стряпчий писал на имя государей и «великие благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев... велено мне быть по наряду на службе великих государей в полку царственные

выборке сказок, на одного стряпчего в обозе приходилось не менее двух телег. Это вполне согласуется с другими описаниями обоза Большого полка и приписанных к нему корпусов, которые выдвигались в Крым не менее, чем на 20 тысячах телегах.¹⁹⁶ Правительству оказалось выгодно полагаться на собственное снаряжение и подготовку запасов «сотенных» ратников.

Численность царедворцев в Крымских походах

В московских военных компаниях XVII в. фактическая численность и готовность ратников выяснялась на месте съезда полков, что было рационально для сбора полных и достоверных сведений. Запись приездов и полковые смотренные списки тщательно велись подьячими для руководства полка и московских приказов, писавших, в свою очередь, «в доклад» государям, а и, затем, наводившим персональные справки о службе в походе. Документация Большого полка, в котором служило большинство царедворцев, после Крымских походов хранилась в «казенной палате» боярина кн. В. В. Голицына (после распоряжении об его ссылке была изъята).¹⁹⁷ Смотренные списки и приезды «полков бояр и воевод» кн. В. Д. Долгорукого, Л. Р. Неплюева и А. С. Шеина 1-го Крымского похода, сохранились полностью или частично.¹⁹⁸

Согласно ноябрьскому указу, ратники должны были прибыть в разрядные полки к 1 марту 1687 г., но сбор растянулся до конца апреля. «Поздноприездцев», добравшихся в Большой полк, понижали записью в Рязанский полк.¹⁹⁹ Необычный казус произошел с троими стряпчими – кн. М. К. Тюменевым, О. В. Кузьминым и С. Б. Гориным, – которые решили выдвинуться в полк под Белгород вне наряда. «И за то самовольство» они были выведены из Большого полка и написаны «ниже жильцов» – то есть городовыми дворянами.²⁰⁰ По итогам войскового разбора 16 мая, подьячие разрядного шатра насчитали 90160 ратников.²⁰¹

О численности людей московских чинов в Крымских походах приводятся различные данные в источниках и в историографии. Этот вопрос не может иметь однозначный ответ по нескольким причинам. Роспись наряда царедворцев на службу в полки и их реальное участие на разные даты «в походы» не могли совпадать – как отличается намеченный план от законченного действия. Так, наряд второго Крымского похода производился по документам предыдущей кампании. Данные поздних выписок о нарядах зависели от задач справок и полноты собранных сведений о царедворцах различного служебного статуса. Аутентичная статистика, как правило, не принимала во внимание актуальных данных об отставках. «Люди с боем», шедшие с царедворцами, вообще не учитывались нарядом и выписками. Историк Н. Г. Устрялов считал, что в 1-м Крымском походе в Большом полку кн. В. В. Голицына участвовало 3471 царедворцев.²⁰² Совершенно другой ракурс подсчета передает выписка 1706 г., в которой говорится о людях московских чинов, бывших в 1-м Крымском походе – 6112 человек и во втором походе – 6319 царедворцах (прил. 1). Данные этой выписки не подтверждаются росписями 2-го крымского наряда (прил. 5). Верификация данных выписки об участниках и нетчиках (719 царедворцев) 1-го Крымского похода

большие печати и государственных посольских дел оберегателя ближнего боярина и Большого полку дворового воеводы и номестника Новгородского». Там же. Л. 295–295 об.

¹⁹⁶ По данным генерала П. Гордона, в середине мая войско передвигалось в походе в окружении 20 тыс. подвод. В Большом полку насчитывалось около 3,5 тыс. царедворцев из 91 тыс. «войска», согласно полковому разбору 16 мая 1687 г. Вероятнее всего, уездные солдатские, рейтарские и другие ратные люди «нижних чинов», не могли обеспечить себя одной или двумя телегами, и действовали вскладчину. См.: *Гордон П. Дневник (1684–1689)*. С. 137.

¹⁹⁷ Розыскные дела... Т. 4. С. 94.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 57–60.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 140. Л. 149, 235.

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 144. Л. 597.

²⁰¹ Там же. Оп. 12. Д. 1275. Л. 437–453; Великанов В. С. Указ. соч.

²⁰² *Устрялов Н. Г. История царствования Петра I*. Т. 1. С. 304.

возможна по смотренным спискам всех полков.²⁰³ Так же выписка 1706 г. отмечает 711 царедворцев, – оставшихся «в домех» во время 1-го похода. Судя по всему, это освобожденные от кампании «походные» стольники и стряпчие, сопровождавшие царей на выездах, и оставленные «у дел» московских приказов; а также немощные царедворцы.

Наряд людям московских чинов, то есть поименную роспись для набора в полки и роты, ратникам объявили вместе с указом 10 сентября 1686 г. от имени государей и царевны Софьи. Подготовка росписи подтверждает, что Разряд тщательно отбирал служилых людей к военной кампании, учитывая предыдущие службы и «отставки» ратников. Перед объявлением «наряда», разрядные подьячие составляли роспись с кратким поименным описанием служб или причин освобождения царедворцев, затем готовилась поименная роспись-наряд по полкам. Сохранились книги двух походов, предварявшие «нарядные росписи».²⁰⁴ В других документах сводились данные об оплате денежного сбора «вместо службы» по указу от 20 сентября 1686 г.²⁰⁵ Интересно, что от «похода» и денежного сбора служилого человека могли освободить на основании его показаний о службе предков. Например, о братьях князьях М. Д и Г. Д. Юсуповых записали, что «для отцовской службы денег иметь не велено», стольника С. П. Зиновьева освободили от «збора денег ...для старости отца».²⁰⁶

Ротная организация и судьбы царедворцев

В течение Крымских походов окончательно закрепилась ротная организация царедворцев, установленная в 1681 г. К 1-му Крымскому походу Разрядный приказ сформировал в Большом полку 54 роты из царедворцев: 19 стольничьих, 11 стряпческих, 12 дворян московских, 12 жилецких. Ротные офицеры могли принять в свои роты родственников или свойственников по челобитным, одобренным Разрядом – что, скорее, отвечало семейно-родовым, клановым интересам, а не принципу местничества.²⁰⁷ Стремление сродников служить совместно в одних ротах привело к смешению чиновного состава практически всех рот.²⁰⁸

Для второго крымского наряда Большого полка Разряд ввел дополнительную 13-ю жилецкую роту, создав в итоге 55 рот.²⁰⁹ В Новгородском полку боярина А. С. Шеина царедворцев распределили по 11 ротам, состоящим только из офицеров-сродников.²¹⁰ Офицерский состав царедворцев Большого полка комплектовался по тому же семейно-родовому принципу. В тридцати одной роте второго Крымского похода каждая тройка офицеров принадлежала одному из 29 родов.²¹¹ В остальных 24 ротах двое из офицеров были сродниками, а третий зачастую приходился им свойственником. Назначения офицеров-сродников в несколько рот, приказанные лично боярином кн. В. В. Голицыным, источниками

²⁰³ Наряд 1688 г. сообщает имена 250 человек «из нетчиков 195-го года», освобожденных от 2-го Крымского похода. РГАДА. Ф. 210. Оп. 5. Д. 57–60; Оп. 6. Д. 144. Л. 83–95 об.

²⁰⁴ Там же. Оп. 6. Д. 133. Л. 1–307 (1687 г.); Д. 140. Л. 1–163 (1689 г.).

²⁰⁵ В одном из таких документов перечислены имена 279 стольников, оставленных в Москве «по росписке 195 году» для оплаты налога. РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. Д. 735.

²⁰⁶ Там же. Л. 9 об., 11, 12.

²⁰⁷ Местнический счет проявлялся относительно занятия офицерских должностей внутри роты, но не в контексте назначения в большинство рот царедворцев офицерами сродников.

²⁰⁸ Только две роты жильцов наполнили представители одного чина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 132. Л. 1–188.

²⁰⁹ Там же. Д. 144. Л. 405–423 об.

²¹⁰ В Новгородском разряде (полку) все три офицерских чина (ротмистра, поручика, хорунжего) занимали в двух стольничьих ротах: кн. И. М., Я. Н., И. Ф. Гагарины; Л. И., А. Н., Ф. Н. Загряжские; в трех стряпческих ротах: кн. И. М., Г. М., Г. С. Вяземские; П. И., Г. Ф., М. Л. Хрущовы; С. П., Н. П., А. С. Чирковы; в двух дворянских ротах: кн. Т. Б., А. И., Н. Б. Кропоткины; Г. Н., Ф. И., И. И. Левашовы; в трех жилецких ротах: И. В., М. А., А. И. Самарины-Квашнины; И. М., И. С., Т. С. Павловы; Л. О., К. Е., И. С. Сытины; М. П., И. И., С. И. Челищевы.

²¹¹ Во 2-м походе офицеры двух рот стольников принадлежали к кн. Волынским, и двух рот жильцов – к Воейковым. В 1-м Крымском походе, из 54 рот царедворцев 27 рот комплектовались офицерами сродниками.

не подтверждаются.²¹² Трудно представить первое лицо правительства, боярина и дворового воеводу, разбиравшего челобитные сродников и сидевшего за ворохом ротных списков. При вековом господстве семейно-родовой традиции, разверстку в наборе рот «разрядных полков» делал Разрядный приказ, который был вынужден учитывать клановые интересы.

Во все роты царедворцев Большого полка ротмистрами назначали стольников.²¹³ Поручики и хорунжие состояли в стольниках; или, реже, в стряпчих, или дворянах московских. Жильцов никогда не назначали выше хорунжих. При господстве родственно-клановых связей, в семи стольничьих ротах Большого полка место поручиков занимали стряпчие или дворяне московские, а хорунжими назначали стряпчих или жильцов.²¹⁴ Аналогичные назначения видны в 13 царедворческих ротах Большого полка: по четыре в стряпческих и дворянских ротах, и пять – в жилецких ротах. Чин жильца не препятствовал назначению в хорунжие в роту более высокого московского чина. Например, 28-летний жилец А. С. Чирков состоял в хорунжих в стряпческой роте Новгородского полка боярина Шеина. За второй Троицкий поход, «тем же чином» Чирков получил стряпчество. После 1-го Азовского похода, его повысили на других ступенях – чином поручика в стольничьей роте полка боярина Б. П. Шереметева под Казы-Керменем.

Личные судьбы ратников хорошо прослеживаются по более поздним источникам. Спустя три десятка лет после Крымских кампаний, царедворцы вспоминали в сказках о своем успешном ротном «строении» вплоть до Азовского «третьего похода» – Керченского похода 1699 г. Стольник И. В. Колтовской в 23 года вступил в Большой полк 1-го Крымского похода, и был «у стряпческой роты ротмистром и ранен». Через шесть лет его пожаловали «тем же чином», но уже в стольничью роту полка боярина А. С. Шеина в Азовских походах и под Воскресенским монастырем «против воров и бунтовщиков стрельцов» в 1698 г. Стольник Л. Г. Исупов в 23 года пошел по тому же пути, и был в дворянской роте «у царедворцев поручиком при роте отца своего, стольника у Гаврилы Семеновича». Оба стольника, Колтовской и Исупов, дослужились до полковников. Дальнее родство также объединяло офицеров одного рода внутри царедворческих рот. Стольник И. Н. Зиновьев начал службу жильцом в есаулах с 15 лет (в 1-м Чигиринском походе) в полку боярина кн. Г. Г. Ромодановского, в 26 лет его повысили в хорунжие в стольничью роту четвероюродного брата ротмистра Василия Петровича Зиновьева. После Крымских походов, по наряду 1695 г., Иван Зиновьев «служил в морском флоте написан был за адмиралом» Ф. Я. Лефортом, а в 1696 г. был назначен ротмистром в стряпческую роту полка боярина Шеина. К 1711 г. Зиновьев получил от Ф. А. Апраксина ранг подполковника.²¹⁵ Таким образом, обычным способом поощрения личной службы царедворцев стало назначение в роту более высокого чиновного уровня.

Свою ротную «крымскую» службу хорошо помнили и рядовые царедворцы. Жильцы Василий Иванович Мерлин и Семен Тимофеевич Караулов отправились во второй Крымский поход. Мерлин был «под команду ротмистра Василья Измайлова»,²¹⁶ а Караулов – «в дворянской роте в десятой у ротмистра Михаила Андреева сына Апухтина, и был на баталии

²¹² Лавров А. С. Указ. соч. С. 143. В переписке боярина с Ф. Л. Шакловитым лишь косвенно говорится о поддержке кн. Голицыным неизвестного решения о ротмистрах. См. Розыские дела. Т. 3. Стб. 1001–1002.

²¹³ В Новгородском полку ротмистром в стольническую роту назначили стряпчего Л. И. Загрязского, а в жилецкую – дворянина московского И. В. Самарина-Квашнина. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 144. Л. 598–604.

²¹⁴ Так, поручиком в 6-ю роту стольников назначили дворянина московского кн. Савву Федоровича Козловского. В 1689 г. роту возглавлял его четвероюродный брат 33-летний кн. Федор Матвеевич Козловский. Хорунжим в роте был их племянник в пятом поколении кн. Иван Яковлевич Козловский. Стряпчий Петр Григорьевич Бутурлин получил чин поручика в 9-ю роту стольников, при том, что его однородец, стольник Алексей Иович, оставался в хорунжих. В 11-й роте поручиком был дворянин З. Ф. Толбузин. В, РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 144. Л. 406 об.–407; Ф. 286. Оп. 1. Д. 9. Л. 75.

²¹⁵ Род Зиновьевых выдвинулся в середине XVIII в. Дочь Ивана Никитича Зиновьева Лукерья стала матерью екатерининских фаворитов братьев Орловых. В сказке за январь 1722 г. И. Н. Зиновьев также упоминает чин хорунжего в Крымском походе. Вероятно, по ошибке поход с Лефортом он отнес к 7205 г., и Азовский поход с боярином Шеиным – к 7205 г. РГАДА. Ф. 248. Оп. 120. Д. 8104. Ч. 1. Л. 147–148.

²¹⁶ Стольник Василий Петрович Измайлов возглавлял 12-ю роту стольников.

против неприятельских людей крымских татар в том походе на Зеленой долине».²¹⁷ Следует заметить, что о боевых столкновениях «с татарами» в 1м Крымском походе царедворцы упоминали в сказках 1717–1722 гг. лишь в связи с Днепровским походом окольного Л. Р. Неплюева в июле 1687 г. О сражении на Зеленой долине и под Перекопом, во время второго Крымского похода, написали более двух десятков царедворцев.

После решения кн. Голицына 17 июня 1687 г. о возвращении Большого полка «из похода» в столицу, на театре военных действий остались 8-тысячный полк окольного Л. Р. Неплюева и 20 тыс. казаков гетманского сына Г. И. Самойловича. Корпус должен был отправиться к турецкой крепости Казы-Кермень на Днепре, но задуманный поход не состоялся из-за нападения крымских татар на отряд генерала Г. И. Косагова у Каменного Затона. Родственник окольного, стольник П. И. Неплюев, находился и вспоминал об этом походе в «Запорогах». Он участвовал в двух Крымских кампаниях. В 1-ом походе ему едва исполнилось 16 лет: «а во 195-м году был на службе великого государя в Крымском походе в полку боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, и служил в сотне с дворяны, а из того полку был в полку окольного Леонтия Неплюева в Запорогах».²¹⁸ Во втором Крымском походе П. Неплюев дослужился до есаулов в одном из полков. Успешную службу есаула заметил фельдмаршал Б. П. Шереметев. После 12 лет непрерывных походов и ранения П. Неплюева в 1701 г., фельдмаршал назначил его из «стольников Новгородского полка» в ротмистры, а затем – в свои адъютанты. Это не помешало Неплюеву участвовать «во многих баталиях», и во взятии Дерпта и Нарвы. По указу царя, в 1705 г. Петр Неплюев из адъютантов «взяли от него фельдмаршала и кавалера» и отправили в Великие Луки «к делам и [он] был виц-комендантом».²¹⁹ По приказу кн. А. Д. Меншикова, Неплюева назначили подполковником в солдатский полк Великолуцкого гарнизона в 1711 г. Упомянутое Неплюевым сотенное устройство полка боярина и воеводы Шеина, сохранялось при рекрутировании городских дворян до 1713 г. – при сборе полка боярина и воеводы кн. М. Г. Ромодановского. Во втором походе в «сотнях с дворяны» видно почти 80 царедворцев (прил. 5).

Мини-триумф царевны Софьи

Правительство царевны Софьи стремилось выдать за военный успех возвращение войска без масштабных сражений и побед. В записных разрядных книгах конца XVII в., несколько раз говорится о праздновании тезоименитства царевны Софьи. В честь этого дня, начиная с 1685 г., дважды в год в дворцовых соборах проводилась литургия с участием обеих государей. Чтобы подчеркнуть значимость прошедшей Крымской кампании, царевна расширила круг приглашенных на празднование своего тезоименитства в память святой великомученицы Софии 17 сентября 1687 г. По окончании литургии, в Комнате дворца «жаловали водкою» имеретинского царя, царевичей, думных и ближних людей; затем вновь в Комнате царевна «изволила жаловать водкою ж столников знатных по списку з головы, да столников же походных и дьяков розрядных, посольских, дворцовых, стрелецкого, Конюшенного приказов, да гостей в Комнате ж».²²⁰ После Крымского похода в сентябре 1687 г., царь Петр (вероятно, по наставлению дядьев и царицы-матери) проигнорировал соборную литургию в честь тезоименитства своей единокровной сестры. Несмотря на это, во второй части церемонии, после чествования думных и ближних людей в Передней палате, царевна жаловала водкой «столников и стряпчих ротмистров и порутчиков и хорунжих, которые были в Крымском походе и походных и которые на Москве у дел и государственного Посолского приказу из розрядных дьяков». Ротные начальные люди из царедворцев впервые оказались на дворцовой церемонии, и ставились на ступень выше походных стольников и стряпчих, оставленных во время похода при дворе. Этот знак чести невозможно было не заметить. Также впервые приглашались царедворцы, приписанные к делам приказов в

²¹⁷ Выборка царедворцев, упоминавших ротное устройство, выявлена полностью по базе данных 4 тыс. офицерских сказок 1717–1722 гг. ОСГВ. Т. 1. С. 105, 348, 412, 1050, 1156; ОСОЗЧ. Т. 1. С. 55, 227, 490, 874.

²¹⁸ ОСГВ. Т. 1. С. 722.

²¹⁹ Там же. С. 723.

²²⁰ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Ч. 12. Д. 4. Л. 30 об.; Ч. 13. Д. 1. Л. 69 об.

столице. Поскольку список царедворцев, оставшихся на Москве, составлял, вероятно, несколько сотен человек, устроителям дворцового торжества необходимо было выбрать самую меньшую их часть.

Наряд царедворцев второго Крымского похода

Порядок сбора ратных людей и расчет наряда на службу для новой Крымской кампании, повторяли подготовку 1-го похода. Вновь с Постельного крыльца чиновным ратникам объявили указ о службе, и зачитали списки. Людей московских чинов расписали преимущественно в три «полка»: Большой, Новгородского и Рязанского разрядов. Все остальные «полки бояр и воевод» по наряду включались в Большой полк, который должен был состоять из 35493 ратников и 37378 человек из «приписанных полков». Учитывая ошибки первой кампании, Разряд стремился ускорить приезды ратников в полки. Царедворцы пребывали в полки уже к началу февраля.²²¹

Наряд во второй Крымский поход вновь составлялся по росписям, поступившим в Разряд к началу нового года – к сентябрю 1688 г.²²² Затем была подготовлена подробная перечневая выписка о комплектовании полков, обобщенная в таблице (прил. 5). Однако, сохранившаяся выписка – неполная: в ней утрачено окончание данных по Казанскому полку во главе с боярином Б. П. Шереметевым, которому было велено быть в Белгороде; не включены царедворцы из именной росписи по полкам. Согласно общему итогу из выписки и не отраженной части, наряд царедворцев должен был составить около 5393 человек. Это на 926 человек меньше, чем было показано в разрядной выписке 1706 г. Но и данные наряда – списочные, сообщаемые установленному числу царедворцев.

* * *

Во время Крымских кампаний проявились все ранее известные пути инкорпорации царедворцев в действующее войско – что следует из именных росписей наряда. Персональные записи о ратниках из нарядов подтверждают их сказки 1717–1722 гг. Одна из типичных историй – показания о службе жильца Я. Б. Левашова. По «разбору» боярина кн. В. В. Голицына, Яков Богданович, до начала второго Крымского похода, был «пожалован из житья в прапорщики в Первый выборный солдатский полк». За крымскую службу думный дьяк А. И. Иванов в 1694 г. присвоил ему чин поручика, в котором он состоял «в выборных полках» под командой Ф. Я. Лефортова «в трех Азовских походах... в шанцах, и против неприятеля выходили на вылазку». По данным сказок в так называемых «разборах» боярина кн. В. В. Голицына 1687–1689 гг., состоялось большинство «переводов» царедворцев из чинов московских в офицеры солдатских полков.²²³ Аналогичны пожалования жильца Я. Д. Дурова прапорщиком в полк И. Кишкина из «генеральства» А. А. Шепелева (выборного солдатского полка), а жильца А. В. Кайсарова – «из житья в прапорщики».

В Крымских походах люди московских чинов были задействованы в качестве офицеров и «рядовых» ратников в ротах царедворцев и в сотнях дворян, в «стольниках и полковниках»

²²¹ Так, стольник И. М. Беклемишев прибыл в Большой полк 1-го похода 23 февраля, во 2-м походе он записал приезд 1 февраля 1689 г. Встречается и другие справки о царедворцах с близкими сроками прибытия. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 603. Ч. 1. Л. 10.

²²² В начале наряда расписали царедворцев, которые вместо наряда во 2-й Крымский поход оставались в Москве и платили деньги «вместо службы»: 162 человека были заняты «за государями в походы», 129 – на воеводствах с восемью родственниками, 21 служили «по делам» приказов; для высылки ратников и провианта, были отставлены от похода по разным причинам 16 человек; освобождались за службу в Путивле – 12, пришедших 9 царедворцев из 1-го Крымского похода обложили денежным сбором; оказались больными – 20 человек, «для малых лет» освобождались семеро; из царицыных стольников 36 человек, переведенных в 1687 г. в стольники государей, должны были заплатить деньги «вместо службы» в Печатный приказ; учли трех царедворцев бывших «на посольстве». Спальников кн. Г. Ф. Долгорукого и А. П. Измайлова оставили в столице в комнате государей. Разряд составил роспись 268 человек, бывших с 1688 г. с боярином Б. П. Шереметевым в Белгороде и «в походе на Коломке»; бывших на Самаре с воеводами Л. Р. Неплюевым – 131 царедворца и 40 ноокрещенов; с генералом Г. И. Касаговым – двух человек. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 144.

²²³ ОСГВ. Т. 1. С. 210, 481, 898

стрелецких полков, в начальных людях полков «нового строя»; а многие жильцы – в качестве рейтаров и солдат. В Крымских и Азовско-Днепровских кампаниях царедворцы имели возможность выдвинуться по службе тремя путями: вырастая в ротных чинах от хорунжего, до поручика и до ротмистра; переходя с тем же военным чином в роту более высокого статусного состава; или получая пожалование в более высокий московский чин. Самообеспечение сотенно-ротной организации царедворцев не требовало казенных затрат на продовольствие, транспорт и фураж, чем устраивало правительство при том состоянии казенных доходов. Вопрос о сокращении «сотенных» полков с царедворцами не возникал на повестке ближайших военных походов.

3.7. Второй Троицкий поход 1689 г.

Легендарная августовская ночь

Последний кризис политического режима царевны Софьи и сентябрьский государственный переворот 1689 г. современники называли «смутой», «вторым Троицким походом», «троицким отъездом» царя Петра. Вопрос о виновниках «злоумышления» 7 августа, вынудившего царя бежать из Преображенского в Троице-Сергиев монастырь, разбор тактики его сопротивления с царевной Софьей, касается и царского окружения и царедворцев. В августе 1689 г. под Троицей оказались немногие люди из «московских чинов», и численно не могли быстро переломить ситуацию в пользу Петра I. Это контрастирует с данными о приезде нескольких тысяч «чиновных» людей из уездов и столицы во время 1-го Троицкого похода 1682 г.

Последняя искра вспыхнувшего политического конфликта виделась его современниками и исследователями с разных сторон. Одни обвиняли царевну Софью и обеляли Петра I, другие признавали поведение каждой стороны провокационным. Историк Е. Ф. Шмурло, пытаясь понять мотивы сторонников Софьи и Нарышкиных, на мой взгляд, справедливо предлагал не устанавливать злодея или жертву, а выяснять реальные поступки политических противников.²²⁴ Горячая дискуссия продолжается и сейчас, несмотря на крайне неполные данные, которые осложняют поиск скрытых манипуляций противостоящих сторон – обычных спутников создания верифицируемых реконструкций. Выявленная документация московских приказов, которая не нуждается в пирамиде домыслов, вновь может приоткрыть смысл и последовательность действий первых сторонников Петра I из походной свиты спальников и царедворцев.

Документально известно о крайней спешке Петра I в ночь с 7 на 8 августа в Троицкий монастырь – сразу после вестей о якобы столичном «злоумышлении» на жизнь царской семьи. Ночное бегство 17-летнего царя из села Преображенского, «босым, в одной сорочке» и несколькими слугами в ближайший лес, а затем к Троице, детально, казалось бы, давно прорисовано в историографии. Вольно или невольно возникает образ паники царя, бежавшего в одиночку, при смертельной угрозе беременной супруге, матери и юной сестре. Насколько же надежна канва для этой известной картины? «Общепринятая» версия о царе, якобы бежавшего «босым в сорочке», ожидавшего одежды в темном лесу, широко растиражировано в литературе, в кинематографе. Фон для колорита картины выбирается в зависимости от фантазии рассказчиков, желавших изобразить драму Петра, – затаившегося в лесу, в роще, в кустах. Якобы наиболее надежные построения опираются на известия из дневника генерала П. Гордона, или от допрошенных в конце августа дворового человека И. Степанова, стрельцов Ф. Турки и И. Троицкого. Стрельцы-изветчики, побывавшие в селе Преображенском, сообщили о «заговоре», а слухи о царе от других людей передали «за полчаса до света» 8 августа первейшему клевету Софьи думному дьяку Ф. Л. Шакловитому, что, мол, «ушел он, государь, бос, только в одной сорочке, а куды, того не ведомо». В допросе же проявляется и фраза, приписанная Шакловитому: «Вольно ему, взбесился, бегать». Дворовый человек боярина К. П. Нарышкина Иван (Ивашка) Степанов, на допросе 21 августа 1689 г., объявил другую версию рассказа от других дворовых людей, которых он якобы не мог вспомнить: «и великий де государь, убоясь тех слов (о намерении убийства. – А.З.) изволил взять с конюшни боярина Льва Кириловича лошедь, из села Преображенского иттить наскоро в Троицкой м-рь, а с ним де великим государем толко успели ехать постелничей Гаврило Иванович Головкин, да карло, да тот изветчик»²²⁵. Генерал Патрик Гордон записал в дневнике, что якобы спешно поднятый царь «не надев сапог, вышел в конюшню, где велел оседлать коня, и поехал в соседний лес, куда к нему доставили одежду

²²⁴ Шмурло Е. Ф. Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. № 1. С. 38–96, 72.

²²⁵ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. 1. СПб., 1893. С. 23–24, 487–490.

и облачение. Одевшись, он с теми, кто был наготове, во весь опор поскакал в монастырь Святой Троицы». ²²⁶

Насколько же достоверны эти хрестоматийные известия? Извечники-стрельцы и дворовый человек излагали сказанное о царе из вторых и третьих уст. Дворовый И. Степанов много говорил «спяна, издевающихся, насмех» о царевне Софье, а присказка о важности придворного карлы близка духу самого допрошенного. Между прочим, он приплел и то, что государь «к Москве не будет, хотя и зовут, а пойдет в Великий Новгород и там де ему будет царство». Выходцы из маргинальных слоев – в то время дворовые и стрелецкие люди – проживали в благодатной среде по передачи городских толков с невольным прибавлением своих домыслов. Жители городских слобод и посадов, лишённые доступа к информации, естественно одушевляли персонажей живо обсуждаемых вестей, помещая их в атмосферу правдоподобия своего быта. Казалось бы, заметка генерала Патрика Гордона хронологически наиболее близка к событиям, а его подневные записи, кажется, всецело располагают к аккуратности автора. Однако, сам генерал провел весь август в столице, черпая сведения из неизвестных московских источников, на которых в итоге и был построен его рассказ о будоражающей ночи царя.

Спустя четверть века, известный петровский дипломат граф А. А. Матвеев описал в другом тоне быстрый сбор царской семьи в Преображенском: «высокоименованные величества, в самые короткие часы, ночью собрався налегке, без ведома всех походных бояр и ближних людей и стольников бывших тогда, покинув все, с малолюдством самым наскоро в Троицкий Сергиев монастырь побежали и туда пришли, о чем тогда никто не ведал» ²²⁷. Граф А. А. Матвеев, бывший в то время комнатным стольником, уведомлял с долей сожаления, что Петр ехал «без ведома» в том числе «ближних людей». Версия польского посла француза Де ла Невилля очень близка к матвеевскому описанию о спешке царя с семьей: «у бедного Петра осталось время лишь на то, чтобы вскочить в карету со своей матерью, женой и сестрой и в сопровождении самых преданных своих слуг, он скрылся в сторону Троицы». ²²⁸ Сам Невилль находился в разгар событий в Смоленске, но позже имел возможность беседовать на латыни лично с кн. В. В. Голицыным в конце августа, а осенью – с самими участниками: «Артамоновичем» (Матвеевым) и с вдохновителем Троицкого похода кн. Б. А. Голицыным. Намного позже графа Матвеева, князь Б. И. Куракин изложил в своей «Истории» иную версию о пути царя до Троицы – о том, что ехали «... верхом только с пяти человек. А мать его царица Наталья Кирилловна, со всем двором, той же ночи бегом понуждена быть последовать туда же. И в шесть часов скорым походом в тот монастырь пришли». ²²⁹ Князь, перепутал месяц, назвав события августа майскими, но якобы запомнив число спутников царя.

Известие Гордона о «босом» царе, затаенном в «соседнем лесу», старался подкрепить новыми данными Н. Г. Устрялов по изложенным выше вопросам стрельцов. На эти же источники опирались Н. Я. Аристов, Е. Ф. Шмурло, М. М. Богословский – к сожалению, не добавив новых документов. ²³⁰ Практически в той же риторике известная версия повторяется до сих пор как очевидная, с надлежащими ссылками, и без особых сомнений. ²³¹

Росписи участников Троицкого похода

²²⁶ Гордон П. Дневник 1684—1689. Перевод с английского, статья и примечания Д. Г. Федосова, М., 2009. С. 202.

²²⁷ Матвеев А. А. Записки // Рождение империи. М., 1997. С. 403–404.

²²⁸ Невилль де Ла Записки о Московии. М., 1996. С. 152.

²²⁹ Куракин Б. И. История о царе Петре Алексеевиче // АКК. Т. 1. С. 58.

²³⁰ Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. С. 58–60; Аристов Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871; Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. [М.], 1940. С. 81–85.

²³¹ Шмурло Е. Ф. Указ. соч. С. 85–87; Хьюз Линдси. Царевна Софья. СПб., 2001. С. 291–292; Бушкович П. Указ. соч. С. 163–164; Павленко Н. И. Лефортов М., 2009. С. 50. Павленко повторял наиболее абсурдную версию о царе, который якобы «спасаясь от расправы выбежал из палат в нижнем белье и в ожидании одежды спрятался в кустах», затем ускакал в Троицу, бросив мать и семью. Характерна и сентенция о большой отваге царя в зрелые годы в смертельно опасных ситуациях.

В противоречивые версии известных рассказчиков неожиданные данные вносит подлинная разрядная книга Троицкого похода 1689 г. Этот сборник, согласно местонахождению в одноименной архивной описи, иногда ошибочно считают смотренным списком.²³² Разрядные служащие положили в основу сборника²³³ царский указ из Разряда и роспись о пожалованиях за Троицкий поход думным и «ближним» людям. Для будущих справок о пожалованиях к этому сборнику подьячие подшили белой и черновой вариант записной книги приездов людей «московских чинов», городских дворян и «иных чинов людей». Резолюция указа устанавливала «к прежним их окладом учинить придачи, и ис поместей их дать в вотчину по указным статьям». Благодаря «указным» росписям и записям приездов, возможно установить почти весь чиновный люд,²³⁴ собранный у Троицкого монастыря с 8 августа по 2 октября. Среди «иных чинов» показаны русские и иноземные «начальные люди», стрелецкие полковники, приказные служащие, около десятка недорослей.²³⁵

Практика XVII в. не знала иного способа передвижения царя без свиты, а приписывать новации юному государю в нарушении традиции было бы поспешным. Росписи «ближних людей» под указом о награждениях за поход перечисляют сопровождение царя к Троице, расписанное по дням – начиная с 8 августа. В указе отмечены варианты поместных и денежных «придач» всей свите, собранной наскоро в Преображенском: в первой росписи – «походные» думные люди, во второй – три перечня комнатных стольников (спальников). Эти три перечня названы «статьями» и распределены в зависимости от времени приезда спальников, ехавших с царем в Троицкий монастырь. В первой статье расписаны 19 спальников, «которые приехали за великим государем августа 8 число» в Троицкий монастырь;²³⁶ во второй статье – имена 7 спальников, «которые приехали того ж числа после пришествия великого государя»; в третьей – 7 спальников, прибывших 9–10 августа.²³⁷ Без наград остались 29 спальников, которым было указано «придачи не чинить и ис поместья в вотчину не давать».²³⁸

²³² В описи архива Разрядного приказа, начатой дьяком Окуньковым, эта книга за номером 130 названа «Троецкого похода 197 и 198 годов бояр и околничих и думных дворян и стольников комнатных... за закрепою думного дьяка Гаврилы Деревнина, в деств». Следующие по хронологии книги этого раздела названы «смотренными списками». РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 225. Л. 38.

²³³ Лишь восьмая часть разрядной книги Троицкого похода относится к смотренным спискам – росписям новых «походных» людей и октябрьских смотров людей московских чинов. РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. Д. 70. Л. 87–118 об. Всего книга, как архивная «единица хранения», насчитывает 238 листов. Черновик записной книги приездов выполнен единообразно, что может указывать на более ранние несохранившиеся записи – черновые тетради приездов.

²³⁴ В книге приездов не замечены царицыны стольники и дети боярские, вероятно, также сопровождавшие цариц, но находившиеся вне ведения Разряда.

²³⁵ Указ с росписями помещен перед «тетрадами приездов» только в финальной редакции, и начинается изложением официальной версии о главном виновнике «смуты» Ф. Шакловитом, который эмоционально изображен как «сосуд дияволь яко де Июда христопредатель, вор и крестопреступник изменник». Текст указа составлен после казни Шакловитого (вероятно, при переплете разрядного сборника – не ранее конца октября 1689 г.). Там же. Л. 1–14.

²³⁶ К чиновным росписям и записным тетрадам приездов из разрядной книги 1689 г., в частности, обращался А. В. Лавров, по подсчетам которого «за великим государем» 8 августа приехало 18 спальников. Однако, в росписи в первой статье указаны имена 19 человек, и имеются данные о разбивке спальников на три статьи. Историка интересовали преимущественно сведения о властной структуре, о борьбе Нарышкиных за думных и служилых людей, патриарха, о сторонниках Петра I «из боярской аристократии» и «боярская фронда». Лавров. А. В. Указ. соч. С. 162–166, 169, 184–186.

²³⁷ В первой статье – «тем помесного по 270 чети, денег по 37 рублей»; во второй статье – «тем придачи помесного по 260 чети, денег по 32 рубли»; в третьей статье – «тем помесного по 250 чети, денег по 30 рублей». И всем трем статьям – «а ис поместья в вотчину вышеписанным всем с окладов их со 100 по 20 чети» каждому. РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. Д. 70. Л. 4–4 об., 12.

²³⁸ В разрядном сборнике нет датированных перечней спальников в записях приездов. Судя по всему, не все 29 спальников находились с царем в Преображенском. Некоторые, приехав в ставку к Троице, выполнили опасные поручения царя. Кн. И. Д. Великогагин и И. И. Бутурлин (вероятно, Меньшой) выехали 30 августа навстречу царевне Софье, чтобы предупредить ее о запрете приближаться к монастырю. Из 29 спальников пятеро записали в начале 1720-е гг. служебные сказки, не упомянув участие в Троицком походе: кн. Ю. Ю. и

Таким образом, росписи о «придачах» поименно называют всех спальников, прибывших с царем к Троице утром 8 августа и позже. Среди отличившихся оказались А. А. Матвеев и кн. Б. И. Куракин, записавшие о бегстве царя к Троице. Как реальные участники событий августовской ночи, они вспоминали о небольшом сопровождении государя, не давая намеков о его «прятках» в лесу. Любопытно, что размер придач спальникам царя различен. Очевидно, что Матвеев неслучайно сетовал о пути царя без всех «походных людей» – Андрея Артамоновича отметили в менее почетной «третьей статье» в компании опоздавших спальников на один-два дня. Князь Куракин, отмеченный в «первой статье», заявил о «пяти человеки», скакавшим с царем, по всей вероятности, метафорически. Его заметка о пути к Троице, сделанная спустя сорок лет, ошибочна в датировке, противоречива, и оставляет впечатление, что князь сопровождал царицу Наталью Кирилловну. Авторы разрядной росписи хронологически ближе к событиям, поименно перечисляя спутников царя, не оставляют указаний об отношении «статейных» спальников к сопровождению цариц и других людей.²³⁹

Роспись походных спальников, и записки Матвеева и Куракина, пожалованных придачами, согласуются между собой в признании небольшой «походной» свиты, обеспечившей безопасность и путь царя с его семьей. Московские толки о затаившемся в ночи государе «босом, в одной рубашке», не имеют под собой оснований, возникнув в момент молчания реальных свидетелей тех событий. Если царя действительно сопровождало только два десятка спальников, то насколько это соотносится с «малолюдством» сопровождения царя, отмеченным Матвеевым и Куракиным? По более ранним росписям 1688–1689 гг. (см. п.3.2), известна походная свита младшего царя, то есть его походные думные и «ближние» люди, стольники и стряпчие «летние». Походный «поезд» царя насчитывал летом до 160–180 чиновных людей, кроме дворовых людей из государева двора.²⁴⁰ Царские спальники и походная свита царя передвигались ночью 8 августа малым числом, что крайне необычно в практике царского сопровождения, известной из подневных хроник записных книг. Вероятнее всего, «походные ближние люди» составили несколько партий передвижения, в том числе сопровождая карету с двумя царицами и царевной. К сожалению, при известных на сегодня источниках более детально прояснить все перипетии той ночи невозможно. Ценность разрядной книги приездов, разумеется, не ограничивается передачей событий первых суток Троицкого похода 1689 г.

Позиции царедворцев и городских дворян

В историографии 2-го Троицкого похода справедливо отмечено решающее влияние перехода стрелецких и солдатских полков, русских и иноземных, на сторону Петра I.²⁴¹

В. Ю. Одоевские, кн. Я. И. Лобанов-Ростовский. Двое были слишком юными для участия в походе: кн. В. М. Долгорукий – 11 лет, кн. О. И. Щербатов – 9 лет. Там же. Л. 12 об.–14; Ф. 248, Д. 8104. Л. 34, 53, 362; Ф. 286. Оп. 1. Д. 7. Л. 16. ОФОЗП. С. 72.

²³⁹ Согласно указу, кроме спальников придачи могли получить и другие «походные чины». Однако, к указу прикреплены только росписи думных людей и спальников, которые «справил» разрядный подьячий Иван Кобяков. Следующие затем тетради приездов – в беловом и черновом вариантах – содержат подневные и починовые записи прибывших в Троицу. Например, 8 августа «походных летних» было записано: 30 стольников, 5 стряпчих, 2 дворян, 16 жильцов. Указ предполагал стольникам и стряпчим летних походов, «которые приехали за великим государем, тем помесного по 240 чети, денег по 30 рублей, а которые того ж 8 числа после пришествия великого государя, тем придачи помесного по 235 чети, денег по 28 рублей»; в третьей статье – «тем помесного по 250 чети, денег по 30 рублей». Далее следуют еще несколько вариантов «придач»: приехавшим «по 10 число», отказано приехавшим «с 10 числа – для того что довелось им ехать за ним в г., а они приехали поздно»; людям московских чинов и дьякам, приехавшим до 20 августа; таким же «чинам», приехавшим по 31 августа; и приехавшим в сентябре – «помесного по 210 чети, денег по 26 рублей». Там же. Л. 5–5 об., 14.

²⁴⁰ О трактовке аутентичного и историографического термина «государев двор» см. в п. 2.1.

²⁴¹ С 8 августа 1689 г. в Троице находились с полками стольники и стрелецкие полковники Л. П. Сухарева, подполковник И. Е. Спешнев, полковник «первого салдацкого полка» А. С. Чаплин, 10 августа – полковник И. Е. Цыклер, 12-го – подполковник новгородского полка И. И. Кайсаров, 26-го – И. Ф. Башев, 30-го прибыли 13 стрелецких полковников и 3 подполковника, 31-го – иноземцы-полковники А. А. Гамонт и А. А. Форот,

Почему же абсолютное большинство царедворцев, городских дворян и рейтаров, на которых в свое время опиралась царевна Софья и государи в 1682 г., спустя семь лет не прибыли к сторонникам Петра в Троицкий монастырь?²⁴² Сравнение записных тетрадей приездов служилых людей 1682 и 1689 гг. статистически подтверждают скромную долю царедворцев во втором «походе» в августе. Только с 4–5 сентября 1689 г. люди московских чинов начали массово приезжать в царскую «походную» ставку. В историографии высказывалось и мнение, что до переломных дней рубежа августа-сентября царедворцы якобы выжидали с «выбором» в пользу Петра I, а «городовые дворяне и дети боярские не поддержали, не откликнулись на призывы Нарышкиных».²⁴³ Утверждение о выжидании или «самоустранении» тысяч служилых людей требует веских свидетельств об их массовом призыве, а потом – о выяснении причин их якобы пассивности. Не доказано и влияние «ухудшения положения основной массы землевладельцев» или какое-либо «самоустранение». Могла ли многотысячная армия царедворцев и городских дворян и рейтаров, солдат из уездов выбирать политическую позицию и выжидать перевес одной из сторон конфликта при известной сервильности служилых людей и возможности коммуникаций того времени?

В историографии не выявлены свидетельства и указы о нарядах уездных служилых людей «в поход» в разгар второго Троицкого похода – за август 1689 г. Хотя известно, что на рубеже июля–августа несколько тысяч людей московских чинов возвращались из второго Крымского похода в свои уездные имения и в столицу. За семь лет до этого – в 1682 г., царедворцы и «городовые» служилые люди начали массово прибывать в Троицкий монастырь, – всего через две недели, благодаря контролю царевны Софьи над московскими приказами. Думный дьяк Ф. Л. Шакловитый тогда вел переписку «из похода» с главой Разряда думным дьяком В. Г. Семеновым, а разрядные подьячие отправили не менее полусотни грамот к городovým воеводам о вызове служилых людей «всяких чинов». Как показано выше, царевна Софья сумела быстро овладеть и нитями управления, и ратными, и дворовыми людьми, контролируя впоследствии московские приказы до начала сентября 1689 г.

Сторонники Петра I, прибыв к Троицкому монастырю, в течение всего августа 1689 г. оказались отрезаны от оперативного управления приказами. До 2 сентября в Троице не оказалось ни одного разрядного подьячего и необходимой документации для рассылки призывов. Приезды царедворцев и ратных людей к Троице с первого дня взялись записывать подчиненные постельничего Г. И. Головкина из царской Мастерской палаты. С 8 августа в Троицу, вместе с царем и Г. И. Головкиным, прибыли подьячие Р. Смирнов и Л. Валков, которые взялись за дело с первого дня пребывания царя в Троице – почти на месяц раньше разрядных писцов. Разрядные служащие, приехав в Троицу, придерживались иной канцелярской тактики, переписав набело приезды служилых людей по чинам для удобного поиска справок об участниках «похода». Приказные Мастерской палаты работали удивительно четко. Уже 9 августа дьяк Ф. Тверитинов отдал распоряжение своим подчиненным по царской Мастерской палате записывать приезды по датам, чинам и именам. Посмотрим кратко на источник о приездах. Двое подьячих вели черновую запись приездов, ставшую хроникой Троицкого похода в лицах.²⁴⁴ Оба комплекта тетрадей приездов –

подполковники А. А. Шневец и И. И. Мартон. К 1 сентября в Троице находилось около 930 стрельцов, включая офицеров. 4–5 сентября прибыли «из иноземцов»: 3 генерала и 28 полковника, включая П. Гордона и Ф. Я. Лефорта. РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. Д. 70. Л. 17–18; 20 об., 25 об. –26, 71–72, 124 об., 135 об.; *Лавров А. С.* Указ. соч. С. 165.

²⁴² К октябрю 1682 г. насчитывалось почти 5 тыс. людей московских чинов и несколько тысяч их дворовых слуг.

²⁴³ *Лавров А. С.* Указ. соч. С. 166.

²⁴⁴ Первая часть черновой тетради приездов служилых людей с 8 августа по 1 сентября закреплена дьяком Мастерской палаты Федором Тверитиновым (Л. 119–140). По указу от 3 сентября, приезды было указано вести «в Разряде, а у той записке быть розрядному дьяку Перфилью Оловенникову», приехавшему днем раньше с командой из 6 подьячих, закрепившему «приезды» со 2 по 24 сентября (л. 141–156, 171–180). С 3 сентября записаны черновые приезды «начальных людей» русских и иноземцев, и пятерых «из смоленской шляхты» – без закрепы (Л. 157–170). Разрядные служащие переписали приезды в беловик, который закрепил думный дьяк

черновой и белой – предваряются в «смотренном списке» текстом указа, который был написан «парадным» почерком не ранее октября. Сопоставление данных о персоналиях черновика и беловика приездов совпадают, приписки и поздние вставки не обнаруживаются.

Давно известный «смотренный список» второго Троицкого похода не привлекал внимания историков для детального анализа, поскольку не касался подробного описания острых событий августа-сентября. Но эти события изложены косвенно в перечне и росписи имен служилых людей, каковых Разрядный архив содержит не одну сотню. На основании критики уже известных источников и книг приездов невозможно согласиться с тем, что люди московских чинов и городовые дворяне не спешили из Москвы, «ожидая перевеса одной из сторон», а ситуацию переломили приезды теток царя, сестер Софьи и патриарха. Отъезд старого патриарха совершенно не пошатнул позиции Ф. Л. Шакловитого, и вооруженные силы, верные кн. Голицыну и Софье. Сторонники Петра I отлично понимали, что для вызова большинства людей московских чинов, находившихся летом и осенью в «своих деревнях» в уездах, необходимы подручные «административных» ресурсы Разрядного приказа. Прежде чем ожидать царедворцев, требовалось вызвать разрядных служащих, которые явились к Троице только 2 сентября; затем потребовались поездные перечни городских воевод, чтобы направить указные грамоты – как это сделало правительство царевны Софьи в сентябре 1682 г., бомбардируя городских воевод из Савина-Сторожевского монастыря и Воздвиженского грамотами о срочном вызове царедворцев и городских дворян из уездов. Вот почему в записных тетрадах приездов второго Троицкого похода в начале сентября оказалось так мало имен городских дворян, приезды которых начались с 9 сентября. Окружение Петра I приняло в августе единственное правильное решение – подтачивать любые силы, верные царевне Софье в Москве, и прежде всего – солдатские и стрелецкие полки. Генерал П. Гордон не преувеличивал роль свою и своего полка, заявляя, что «наш отъезд в Троицу был кризисом сего дела, ибо все стали открыто высказываться в пользу младшего царя».

Г. Ф. Деревнин (Л. 1–40); сентябрьская часть беловика – без закрепы (Л. 41–118). В беловике приезды записаны по «чиновным» рубрикам, и внутри них – по датам и именам. В черновике августовские приезды – по датам; и внутри них – по чинам; сентябрьские – по чинам. РГАДА. Ф. 210. Смотренные списки. Д. 70.

3.8. Первые государевы смотры Петра I

Молодые государи получили в наследие российские земли, «царства» и города, прописанные в их титуле и не звучавшие в нем. Весь объем власти крепко удерживался царевной Софьей, отнимая у царей возможность быть в центре пышных государевых смотров, проводимых их государем-отцом и болезненным братом царем Федором Алексеевичем. Царевна не решилась совершенно отстранить младшего царя от участия в придворных церемониях. Напротив, из довлеющих традиций царевной извлекалась политическая выгода. В первые годы регентства удачно создавалась иллюзия благополучия при московском дворе. Политические приспешники царевны передали идиллию диархии на одной из гравюр-конклюдий: Над двухглавым орлом с двумя сердцами в груди, выше предстоявших фигур двух царей, возвышалась небесная покровительница царевны София – Премудрость Божия.²⁴⁵ Традиция участия государей в публичных церемониях приходилась на руку Софье, которая могла дозировать «явление» царей подданным. Молодому Петру I оставалось принимать правила игры единокровной сестры.

Первое из известных свидетельств об участии Петра I в смотренной церемонии ратных людей запечатлели московские куранты. По сообщениям из европейских газет куранты передали запись от 27 марта 1687 г.:

#«Февраля 27-го числа боярин князь Василей Васильевич Голицын канцлер и полной гетман всего государства поднялся, и с ним многие боярские дети и дворовые люди, стольники и всего чину служилые люди, которого войска с ним пошло 70 000 человек. И смотрел их царское величество Петр Алексеевич и указал всякому полку перед собой стрелять. А конница во изрядном наряде и платье, и оружие была, и после всего смотру на прощании указал его царское величество изо всех пушек вдруг выстрелить, меж которыми две новые разорвало и дву пушкарей убило...». ²⁴⁶##

Проверить достоверность этой заметки по русским источникам пока не удастся. Сообщение правдоподобно и согласуется с известными иностранцам описаниям церемониальных смотров войска царя Алексеем Михайловичем. Больше доверие вызывают сообщения из документов московских приказов за 1690 г. В записях о персональных отставках стольников и стряпчих были сделаны заметки о государевом смотре. Одна из них касалась Б. И. Иванчина-Писарева: «198-го генваря в 29 день по имянному великих государей указу на их государском смотре от службы отставлен, а поместья ево и вотчин во время службы велено имать денги». ²⁴⁷ Эти пометы, не отмечая личное участие царей, подтверждают статус смотра и его продолжение до 7 февраля (см. п. 3.7).

Более определенно отношение Петра I к «смотрению служб» во дворце передает разрядная хроника – вечером 22 февраля 1690 г. состоялась церемония в честь рождения наследника Петра I царевича Алексея Петровича. Возмужавший царь наблюдал шествие шести полков стрелецких и выборных солдатских, шедших «ратным строем в цветном платье» с Каменного крыльца у церкви Спаса на Бору:

«...а входили на дворец те полки с головы: перво Стремянной один полк, а после того полку по два полка, полк с площади, что от Красного крыльца, а другой полк от Конюшенного двора в Колымажные ворота... А о поздравлении ему в. г. речь говорили первых полков полковники, которые стояли против государского места». ²⁴⁸

В честь «всемирные радости рождения» царевича глава Стрелецкого приказа боярин кн. И. Б. Троекуров объявил служилым «превысокую государскую милость», за которую

²⁴⁵ В таком образе изобразил совместное правление гравер И. Щирский по заказу архиепископ Черниговского и Новгород-Северского Лазаря Барановича к конклюдийной книге «Благодать и истина» в 1683 г. Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII в. М., 2001. С. 253–260.

²⁴⁶ Цит. по: Шамин С. М. Куранты XVII столетия: европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.: Альянс-Архео; СПб.: Контраст, 2011. С. 186. 347 с.

²⁴⁷ Таким же образом отставку получили стольники Д. Ф. Беклемишев (29 января), П. Н. Воейков (7 февраля); стряпчие кн. В. Д. Путятин, Г. М. Архаров, В. Ф. Вердеревский (29 января); А. М. Толбузин – без упоминания возмещения за «службу», И. М. И. Волынский (7 февраля). РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 31. Л. 50 об., 55, 361 об., 365 об.–366 об.

²⁴⁸ ДР. Т. 4. Стб. 529–532.

стрельцы и солдаты «били челом до земли с великою радостию». Нет и намека о какой-либо взаимной ненависти царя и стрельцов после кровавого мая 1682 г. Единственный сохранившийся подлинник записной книги Стрелецкого приказа вырисовывает атмосферу воодушевления. Радость стрельцов подогревалась не только «милостивым словом». В этот же день стрелецким полковникам, полуполковникам, капитанам московских и белгородских полков пожаловали «объярей, камок, тафты, денег». К докладной выписке за пометой думного дьяка Е. И. Украинцева прилагался именной список раздач.²⁴⁹ В заключении объявления говорится об ответе на царскую похвалу, «а после того, по их государскому указу, тех полков у стрельцов была на дворце из мушкетов стрельба».

Спустя полтора года кремлевский парадный смотр вновь повторился во дворце села Преображенского через две недели после рождения царевича Александра Петровича – второго наследника младшего государя. Во всяком случае, запись о новой смотренной церемонии девяти стрелецких и двух выборных солдатских полков очень схожи с предыдущей., царь «изволил тех полков смотреть из своих государских хором» из окна 18 октября 1691 г.: «...а о поздравлении ему великому государю речь говорили первых полков генерал и полковники, которые стояли против государского места». Вновь царь повелел «милостиво похвалить» солдат и стрельцов «за их службы». Как и прежде, участникам церемонии пожаловали дорогие ткани и деньги; а по окончании смотра «на дворце из мушкетов» была стрельба.²⁵⁰

Биограф Петра М. М. Богословский отмечал, что якобы «военная церемония – смотр полкам, закончившийся стрельбой, – была в обиходе московского двора нововведением, появление которого надо, разумеется, приписывать вкусам младшего государя».²⁵¹ Регулярная практика дворцовых смотров середины XVII в. говорит все-таки о первенстве инициатив царя Алексея Михайловича, и не исключает подобные акции московских государей до Смутного времени. Источники допетровского времени умалчивают о ружейных салютах на дворцовых смотрах в честь рождения наследников, но именно в год появления на свет младшего царевича Петра приказная хроника дважды запечатлела показательную стрельбу из пушек на Ваганькове для царя Алексея Михайловича.²⁵² Его вкусы к громкому бою в барабаны и накры, и звуков медных труб учитывались на «больших» государевых смотрах (см. п. 3.2).²⁵³ Отцовские потехи и церемонии, если и не могли повлиять на увлечения Петра, то были ему знакомы из устных пересказов или из приказных выписок, по которым готовились придворные «действия» по образцам из прошлого вплоть до первых лет XVIII столетия (см. п. 4. 5).

Приказные хроники и современники не зафиксировали в 1690-е гг. организацию «больших смотров» царедворцев и ратных людей в столице. Дело не в том, что записи хроник частично утрачены или до сих пор не обнаружены. Задачи правительства по комплектованию полков не снимались с повестки дня при подготовке военных походов. Созыв ратных и чиновных людей ускорялся традиционными нарядами на службу, которые исключали процедуры «смотрения служб» в столице. Для быстрого рекрутирования, вызова и записи приездов ратных людей из уездов, практиковалось либо отправление росписей служилых с указом о прибытии к месту дислокации полков и записью приездов служилых людей «к полкам бояр и воевод» у разрядного шатра или полковыми писарями.

Перед знаменитыми осенними маневрами в Кожухово, в начале сентября 1694 г. были разсланы грамоты «о высылке стольников, и стряпчих, и дворян московских, и жильцов к ратному учению». Царедворцы из 12 замосковских и 10 рязанских и «украинных» городов прибывали к Москве и «приезд свой записывали в Розряде» с 18 сентября. Из комнатных

²⁴⁹ Список пожалованных в записной книге не приведен. Заметка о докладной выписке датирована 22 февраля 1690 г.: «и под тою выпискою о той даче отпуск памятам в Казенной приказ, в Большую казну и имянной список столником, и подполковником и капитаном». ГВСМЗ. Фонд рукописных книг. В-5636/316. Л. 299 об.–300.

²⁵⁰ ДР. Т. 4. Стб. 614–616.

²⁵¹ Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. М., 1940. С. 98–99.

²⁵² ДЗПТД. С. 283, 287, 293.

²⁵³ Там же. С. 313.

стольников была сформирована рота есаулов при потешном войске «генералиссимуса» стольника И. И. Бутурлина, «за знаменем ехали площадные стольники 22 человека». Дети думных людей и комнатные стольники пополнили боярские и воеводские свиты А. С. Шеина, кн. М. А. Черкасского. Если в шествии полков из Москвы в села Вознесенское и Семеновское на Кожуховские поля и выдаются краски шутовской и полувоенной забавы, то в указе городским воеводам ясно читаются приказ царедворцам прибыть к ратному учению, и угрозы нерадивым воеводам опалой, пенями и смещением с воеводств.²⁵⁴

Через считанные месяцы после Кожуховских маневров, ратные люди вновь вызывались не для учения и потехи, а в поход на войну. Традиционно на Постельном крыльце 20 января 1695 г. был объявлен указ «всяким чинам» – от стольников и детей боярских до рейтаров и недорослей, – «чтоб они к нашей великих государей службе строились, запасы свои готовили и лошади кормили и совсем были однолично во всякой готовности».²⁵⁵ Задачи и конечное направление похода из соображений секретности в указе умалчивались. О «промежуточном» направлении ратных людей в Белгород и Севск, и о сроках прибытия, объявлялось 16 февраля с Постельного крыльца. Традиционно с указом зачитывались и поименные «рописи».²⁵⁶ Царедворцы, включая жильцов, должны были прибыть в полки боярина Б. П. Шереметева в Белгород. «Тех же чинов людям нетчикам», пропустившим съезды к Белгороду и Севску в 1693–1694 гг., следовало спешить в Севск к окольному кн. П. Л. Львову. Указ от 16 февраля исходил по личному велению царя.²⁵⁷ Помещики и вотчинники московских чинов из украинских, рязанских и заочских городов, съезжались «к указным местам» к 1 апреля, а замосковных и низовых – к 15 числу. Минувя смотр в столице, после объявления на Постельном крыльце «сроков» и именных росписей, ратные люди должны были прибыть в полки. Приезды и смотренные списки составлялись при полках.²⁵⁸ Надежный и проверенный десятилетиями способ рекрутирования ратных людей на службу – без предварительного смотра и разбора – ускорял сбор ратных сил, но имел один существенный недостаток. В полки прибывали в том числе люди малоспособные к службе, которые могли быть отсеяны на этапе разбора московскими приказом. Собирая достоверные сведения о состоянии служилого человека, проверяя сказки, наводя архивные справки, осмотры болезней, дьяки и подьячие приказов могли записать физически негодных к отставке, таких же и маломощных в службе отправить к делам приказов. Смотры, устроенные царедворцам и ратным людям при царе Алексее Михайловиче, имели, как мы видели, значимый психологический эффект. Попечение о службе выражалось речами, смотрением и слушанием царя; тщательно отстроенной атрибутикой. При Петре также в поход шло его войско, но мотивационный заряд всем ратным людям, видимо, не был дан в столице.

К первому Азовскому походу готовились стрелецкие и солдатские полки, объединенные в «генеральства». С думных людей собирали даточных – «деловых людей» и холопов.²⁵⁹ Из этой боярской дворни в том числе составили несколько дворовых рот, управляемых ротмистрами. К боярину Шереметеву «в поход» к Казыкermени «нарядили» часть людей московских чинов полковой службы.²⁶⁰ Стольников и стряпчих, служивших при дворе,

²⁵⁴ Желябужский И.А. Записки.. М., 1997. С. 273–274.

²⁵⁵ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Ч. 14. Д. 5. Л. 1–1 об.

²⁵⁶ М. М. Богословский, говоря об указе от 20 января, ссылается только на изложение генерала П. Гордона, в котором «азовская» цель скрывалась, а объявлялась якобы вымышленная в Белгород и Севск. По Гордону, 27 января было указано о сборе всего войска к походу. Вероятно, Гордон ошибочно переставил тему указов 20 и более позднего – возможно, от 16 февраля. В копиях записных книг Разряда указы военной проблематики с 21 января по 14 февраля отсутствуют. См.: *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 211.

²⁵⁷ Этот указ в «Полном собрании законов» купирован. В более полной версии текста известно, что подлинник указа закрепил думный дьяк Г. Ф. Деревнин, бывший одним из ближайшим канцеляристов Петра I. ПСЗ. Т. 3. № 1505. С. 197–198.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Д. 167.

²⁵⁹ Желябужский И. А. Записки.. М., 1997.

²⁶⁰ Согласно смотренному списку Казыкermенского похода, в армии Шереметева насчитывалось 1584 человека из московских чинов в поместной коннице – в основном, это были жильцы в рейтарской службе. См.: Багров А. В. К вопросу о численности войска «в походе воинском казыкermенском» // *Война и оружие. Новые*

правительство не планировало отправлять на службу под Азов и на Тамань. Для этих отпрысков в основной массе из знатных фамилий было найдено решение, щадящее их жизни, и полезное для всего похода. Царь указал собрать налог с походных царедворцев, «которые ездят за ними в. г. в осенних, и в зимних и в летних походах», со всех отставных царедворцев, включая жильцов, с царицыных стольников и детей боярских, со вдов и недорослей московских чинов. Все указанные «чины» должны были составить сказки о дворовом числе своих крестьянских, бобыльских, задворных и деловых людях; и заплатить по полтине с двора до конца марта 1695 г. по данным переписных книг 7186 г., учитывая «прибылые» дворы. Указ гарантировал освобождение от полковой службы и от поставки даточных людей. Ослушников указа, способных служить, ожидал наряд в Белгород, а отставных и прочих ожидал двойной оклад.²⁶¹

Современники царя также упоминают о полковом смотре шести стрелецких полков, проведенном 2 марта 1695 г. в присутствии царя генералом Патриком Гордоном. Согласно «Запискам Желябужского», накануне выезда войска из столицы, солдатским и стрелецким полкам, «генералам с ратными пешими людьми», 27 апреля 1695 г. состоялся смотр в Преображенском²⁶². Подобные акции из ряда полковых смотров были наиболее часты и заслуживают отдельного исследования.

При первых Романовых окончательно сложилась практика проведения государевых (государских, царских) смотров чиновных и ратных людей с созывом в столицу, записью приездов, и распределением «на службы». Государевы смотры царедворцев и ратных людей в столице включали несколько «действ»: объявление указа с Постельного крыльца; рассылку грамот по уездам для сбора «чинов»; поименную запись приездов, составление сказок; роспись по «чинам» и «статьям»; смотрение «служб» и прибывших служилых людей; царскую похвалу и «отпуск» служилых. Из исключительно военно-служебных мероприятий, доставлявших правительству ценные сведения о состоянии и войска, государевы смотры приобрели свойства инструмента политической жизни. Так называемые «большие смотры» воспринимались царем Алексеем Михайловичем как дело государственной важности. Личное участие государя и атмосфера сопричастности монарха к наряду на службу «чиновных людей», передавали сущность всей смотренной акции. Царевна Софья Алексеевна опиралась на созыв государева смотра дворовых людей и царедворцев для выражения власти царевны и демонстрации исконного права монарха созывать служилых подданных. Во время политического кризиса 1682 г., государев смотр царедворцев потребовался как средство разбора царедворцев и усиления безопасности в столице, а в 1689 г. – как серия мероприятий для поощрения ратных людей.

исследования и материалы. 6-я Международная научно-практическая конференция (13–15 мая 2015 г.). СПб., 2015. С. 101.

²⁶¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 130. Ч. 14. Д. 5. Л.2об.—3; ПСЗ. Т. 3. № 1504. С.

²⁶² ДЗПТД. С. 213, 216.

* * *

За фасадом столичных служебных смотров Московского государства скрыты малоизвестные проекции социальной коммуникации верховной власти и царедворцев, политических образов и мифов Московского царства. В XVII в. окончательно сложилась традиция царского «смотрения служб» царедворцев и ратных людей. Личное пребывание царя на смотре, созванном для устройства похода, разбора или созерцания шествия служилых людей становилось центром всей публичной церемонии. Указ о созыве государева смотра обязывала его устроителей, разрядных служащих, тщательно подготовить все действия и документацию. Попечение монарха о служилых подданных выражалось в заслушивании сказок о явленных «службах», в атрибутике смотренной акции, в которой не существовало мелочей. Для царя заранее выбиралось или отстраивалось «смотренное место», планировалось шествие и расположение ратных людей, цвет их платья, экипировка. Московские приказы опирались на образцы прошедших смотренных акций для подготовки новых смотров-разборов или смотров-церемоний.

Сведения записных книг и столбцов московских приказов, свидетельствуют о многообразии и обилии столичных смотренных акций допетровской эпохи. В конце правления царя Алексея Михайловича церемония военно-служебных смотров приобрела исключительно светский характер. «Большие смотры» царя не сводились к служебному перебору царедворцев на сотни и роты, открывая государю внешнее устройство ратного дела. История смотренных акций способна полнее раскрыть мировоззрение и шкалу ценностей государя, его отношение к служилым подданным. В свою очередь участие царедворцев на служебных смотрах влияли психологически – чиновные и ратные люди имели возможность лицезреть государя и его двор, формируя свое восприятие и образ государя и государства.

Смотры и разборы царедворцев в момент тлеющей «смуты» 1682 г. стал средством для их нового рекрутирования на службу и способом укрепления власти правительства царевны Софьи в столице. В указах конца XVII в. ратные люди вызывались на «государев смотр», что не обязывало царя участвовать в разборе чинов или символическом «смотрении». Постепенно именование смотра «государевым» становится вариантом обозначения «прямой службы» государю, своеобразным маркером государственного события.